

Андрей Прусаков
Рождение героев
Серия «Саги Арнира», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319902
Прусаков А. Рождение героев: Ленинградское издательство; СПб.; 2009
ISBN 978-5-9942-0321-7*

Аннотация

Зловещая тень забытого народа простерлась над Арниром. Приходят времена, когда судьбу народов и царств не могут решить ни закованные в броню армии, ни мудрость правителей. Кто мог предположить, что встреча изгнанного сородичами дикаря и бежавшей от морских разбойников пленницы изменит мир, в котором они оказались впервые?

Любопытный и настырный Шенн становится учеником одного из Древних, постигая тайны забытых учений. Гордая и сильная Далмира – гладиатором, бьющимся с чудовищами на потеху толпе.

Начиная жить в незнакомом мире, они учатся, борются и побеждают, узнавая великий и жестокий Арнир. Они меняют себя, не изменяя себе. Только так рождаются герои.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Прусаков

Рождение героев

Глава первая

Дозорный

Шенн проснулся рано. Это ясно по тьме, сгустившейся внутри полого древесного ствола, в котором он спал. Не слышно и сонной птицы, подающей унылый голос перед восходом солнца. Но юноша знал, что уже не уснет. Возможно, уже сегодня он впервые отправится в Дозор, станет дозорным, охраняющим Лес от Внешних врагов.

При мысли о врагах руки Шенна непроизвольно сжались в кулаки, юноша живо представил, как на заповедную территорию проникает тварь Снаружи, а он бесшумно подкрадывается и пронзает ее деревянным копьём, пригвозждая к земле! Потом его ждут почести и уважение старейшин. Красивые девушки украсят его одежду цветами и будут ласково улыбаться, он прославит свой род и получит новое имя... Хотя новое имя и ранг Охранителя получают лишь бывалые и опытные дозорные, годами надёжно и безупречно сторожащие границы Леса. Пока ему до них так же далеко, как дотянуться до птиц, парящих над кронами деревьев.

Он радостно вздохнул. Уже скоро. Шенн ловко выскользнул из постели, оказавшись на небольшой площадке, сплетенной из сучьев и сухих лиан, подвешенной достаточно высоко, чтобы не опасаться ночного зверя уру. Начинало светать. Как всегда, первой тишину нарушила сонная птица. Ухнув четыре раза, она умолкла, и тут же вслед за нею раздался первый неуверенный птичий щебет. Лес просыпался. Где-то под ногами в просвете ветвей Шенн углядел мохнатый пятнистый комок – неуклюжий короед спешит на водопой.

Спал Шенн совершенно нагим, но сейчас надо одеться, и одеться, как следует, выполняя все необходимые ритуалы. Ведь сегодня особенный день, и Дух Леса не простит, если новичок неуважительно отнесется к древним традициям.

Сначала – обувь. Тонкие сандалии из сплетенных кожаных ремней плотно охватили ступню и лодыжку. Теперь – штаны из тонко выделанной кожи, потом – рубашка без рукавов. Ее сплела Глеонн из молодых побегов болотной травы, вымоченных в отваре цветков нуо, чтобы отпугивать насекомых. Рубаха легкая и прочная, тонкие кожаные ремешки стягивают ее на плечах и животе. Волосы Шенн заплел в две косы, начинавшиеся со лба и спускавшиеся за уши. Их юноша перехватил черно-белым витым ремешком, завязав его на затылке.

Вот теперь пора. Он ухватился за свисавшую лиану и мигом спустился вниз. Через сплетение древесных стволов, живых, покрытых влажной разноцветной корой, и мертвых, почерневших и вросших в землю, Шенн пробирался знакомой тропой к месту сбора старейшин Второго Круга. Шенну нравился Лес. Нравился вечный зеленый полусумрак, пение птиц, мягкая трава, покрывавшая землю и упавшие деревья. Нравились лианы с крупными пахучими цветами и редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь могучие высокие кроны. Мир красив и совершенен, ничто не в силах нарушить этот вечный покой...

Шлеп! Рядом с головой Шенна в дерево врезался толстый гриб-пузан, враз сморщившись и окатив красными брызгами зазевавшегося юношу. Замешательство Шенна длилось лишь мгновение. Через миг он притаился с другой стороны тропы, вслушиваясь в звуки леса и кляня себя за неосмотрительность. А если бы гриб попал в него?! Испорченная рубашка, опоздание на Совет и, как следствие... Об этом лучше не думать! Слушать! Надо слушать: вот прыгает по веткам моргун – маленький голокожий зверек с большими грустными гла-

зами, постоянно помаргивающий, за что и получил такое имя, вот переключка птиц высоко в кронах, жужжат насекомые, слетевшиеся на сладкий аромат разбившегося вдребезги гриба. Не то! Вот – еле слышный скрип кожаной обуви, скользящей по стволу деревьев, и запах. Знакомый запах. Грейл!

Шенн вжался в древесный ствол и затаил дыхание. Противник приближался. Шенн мог опоздать к месту сбора, но оставлять за спиной врага непозволительно для жителя Леса и тем более для будущего дозорного.

Луч света, невесть как пробившийся сквозь зеленую кровлю, заслонила чья-то тень. Шенн подпрыгнул, схватил нависшего над ним Грейла и рывком свалил наземь.

– Я знал, что ты выкинешь какую-нибудь пакость, Грейл, – сказал Шенн. Он прыгнул к не успевшему опомниться противнику на грудь и прижал его руки к земле коленями. – Но зачем? Я ведь лучше тебя, и дозорным стану по праву лучшего!

– Это почему? – Грейл не прекращал попыток освободиться, но Шенн держал крепко. – Тогда ты победил меня случайно!

– И сейчас тоже? – насмешливо спросил Шенн. – А это что у тебя?

Он заметил, что рубашка Грейла топорщится на груди, и по очертаниям понял: там родной брат пузана, расквасившегося о дерево. Грейл дернулся, но поздно – Шенн быстро нажал на гриб рукой, почувствовав, как мягкая, сочная, но, увы, вонючая и несъедобная плоть расползается под рубашкой Грейла.

– Извини, я нечаянно, – лукаво усмехнувшись, сказал Шенн. – Не надо носить пузаны за пазухой! Ладно, я опаздываю, а потому мне некогда с тобой разговаривать.

Он проворно соскочил с груди Грейла, увернувшись от его рук, и, от души смеясь, побежал дальше. Грейл не догонит. Он не так проворен, как Шенн, и никогда не догонит его в Лесу.

Вот и поляна. Здесь собираются лучшие юноши – те, кому предстоит вместе с Шенном стать дозорными Леса, охранять священные границы.

Шенн умерил бег и выступил из-за деревьев неторопливо и с достоинством, лишь сердце еще колотилось в груди, но больше от волнения предстоящего обряда.

На поляне уже собрались четверо. Шенн узнал Боррана – лучшего дозорного рода Зверя, увидел старейшину Кирма и двоих юношей из других родов. Новичков должно быть пятеро, значит, придут еще двое. Шенн был доволен, что не пришел последним и не заставил уважаемого старейшину ждать. Он остановился в двух шагах и поздоровался, как того требовал обычай: протянул вперед руки с раскрытыми ладонями и поклонился сперва старейшине, затем Боррану. Кирм кивнул в ответ, неторопливо сгибая шею и медленно, с достоинством поднимая голову. Его неприятные, глубоко посаженные глаза буквально впились в юношу, оглядывая и ощупывая каждую складочку в одежде и прическе. Шенн ждал, не смея поднять глаз. Наконец он услышал голос Боррана:

– Становись сюда!

Это означало, что старейшина остался доволен, и Шенн облегченно вздохнул. Все же странно, почему Кирм не заметил несколько ярко-красных брызг на рубашке Шенна? Может быть, глаза его уже не столь остры, а может, не придал этому значения?

Ожидая остальных, Шенн восхищенно разглядывал вооружение Боррана. Поверх рубахи дозорный носил кожаный панцирь, доходящий до широкого пояса, за который он заткнул несколько деревянных дротиков с костяными наконечниками. На бедре висит увесистая палица, опирается Борран на копьё с острым костяным навершием. Борран слыл силачом, и говорили, что однажды он в одиночку прикончил огромную тварь, забредшую в Лес со стороны Пузырящихся Болот и сожравшую дозорного. Такое бывало редко, но случалось. Потому и становились дозорными лучшие из лучших, самые сильные, самые смелые, самые ловкие...

Наконец собрались все. Старейшина молча повернулся и первым побрел по тропинке. Юноши двинулись за ним, замыкал шествие Борран. Шли молча, каждый ступал как можно тише. Шум считался неуважением к Духу Леса, двигаться бесшумно учили с малолетства. Чем тише ты ступаешь, тем больше шансов выжить, добыть пищу или самому не стать добычей.

Поляна, на которой остановились, была узкой и тесной. Трое юношей едва могли пройти по ней плечом к плечу.

– Посмотрим, на что вы годны, – сказал Борран.

Он вытащил из-за пояса связку дротиков и вручил каждому юноше по одному. Парни молча переглянулись. Где же мишень? Дозорный прошел в другой конец поляны и встал там.

– Вы будете бросать дротики в меня, – объявил он. Борран сунул руку за дерево и извлек маленький круглый щит с длинной кожаной лямкой. На нем белой краской был нарисован круг размером с кулак. Дозорный нацепил щит на грудь и повернулся к ним: – Начинайте.

Юноши вновь переглянулись. Щит едва прикрывал могучий торс дозорного. Кто решится первым? Каждый понимал: лучше не промахиваться...

– Не заставляйте старейшину ждать! – возвысил голос Борран.

Юноша из рода Дерева вышел вперед и с силой метнул оружие – дротик вонзился в край щита. Борран даже не вздрогнул, и Шенн пораился такой выдержке. Следующим метал представитель рода Птицы – Борран перехватил летевший мимо дротик рукой и вонзил его перед собой в землю.

– Отойди, – проронил старейшина Кирм.

Юноша, опустив глаза от стыда, отошел в сторону. Он понял, что проиграл и второй попытки не будет.

Шенн вышел вперед. Ладонь, охватившая древко дротика, вдруг стала влажной, а сердце застучало сильнее. Он не должен опозорить род! Борран смотрел на него, чуть прищурив веки. Он ведь тоже из рода Зверя.

Шенн метнул. Метнул сильно, как учили, добавив к силе руки силу подавшегося вперед тела. На мгновение показалось, что дротик летит мимо, но в следующий миг раздался глухой стук – оружие воткнулось в белый круг. Лицо Боррана не изменилось, но Шенн догадывался, что дозорный горд за него и, не скрывая радости, широко улыбнулся.

– Следующий, – сказал Кирм.

Род Змеи. Парень действительно грациозен и ловок, как змея, двигается легко и плавно, будто скользит над поверхностью травы. Но, видно, метание оружия не самая сильная его сторона – примерялся к цели долго. Но метнул точно, тоже попав в белый круг.

Последний, из рода Воды, метнул дротик быстро, едва подойдя к границе броска, очерченного старейшиной. Он попал в центр мишени и молча отошел, ничем не выказывая радости. Шенн невольно почувствовал уважение к противнику. Что говорить, все соперники были отличными охотниками.

Выдержавших испытание Кирм повел дальше. Шенн удивился. Никто не говорил, что будут еще испытания. Он думал, что они прошли отбор среди юношей каждого из родов, но оказывается, все еще впереди! Не выдержавшего испытание Кирм отправил домой. Шенн жалел парня, он представил, как смеялся бы Грейл, если бы Шенн... Но он сможет!

Они шли в глубь Леса. Шенн не бывал здесь, у каждого рода своя территория, и праздно разгуливать по Лесу не позволялось никому. Народ Леса жил на его окраинах, в середине жил Хозяин. Шенн никогда не видел его – это позволялось лишь избранным и преступникам, которых судил Хозяин. По слухам, участь их была ужасной, больше их никто никогда не видел. Глаза Шенна запоминали путь, уши – звуки, а нос – запахи. Кто знает, как придется выбираться из этих мест?

Следующая поляна была больше и шире первой. На краю лежат четыре столба – гладкие, без коры, деревянные чурки в рост человека.

– Вы должны поднять их и принести ко мне, – сказал Борран, отойдя на другую сторону поляны. – Когда я махну рукой, начинайте. Уронивший бревно – проиграл.

Он прошел шагов пятьдесят и остановился. Шенн посмотрел под ноги: поверхность поляны неровная, всюду пни и кочки, стелющаяся густая трава-веревочница, в которой немудрено запутаться после неосторожного шага. И соперники, которые попытаются помешать.

Они подошли к столбам и замерли, ожидая команды.

– Поднимайте, – велел Кирм.

Шенн был третьим. По правую руку стоял Змея, по левую – Вода. «Достойные юноши, – подумал Шенн, отмечая мощные мышцы соперников, – с такими надо быть начеку...» Шенн схватился за бревно и не без труда приподнял. Тяжелое. А ведь его еще и нести! Он напрягся и закинул дерево на плечо, пошатнулся – но устоял, чувствуя, как пятки тонут во влажной болотистой почве. Глаза юноши встретились с глазами Змеи: пронзительный угрожающий взгляд соседа не сулил ничего хорошего.

– Никаких правил, – сказал Кирм, – донесите бревно до конца поляны. Последний тоже проиграет. Борран, дай знак.

Борран махнул рукой. Парень из рода Воды неожиданно развернулся с бревном на плечах, и не успевший отскочить соперник повалился наземь вместе с ношей. Их осталось трое. Из-за бревна на плече Шенн не видел соперника справа и потому решил держаться от него подальше. Он тронулся с места, постепенно набирая скорость. Ноги вязли в густой вьющейся траве, цеплялись за острые сучья, обильно раскиданные по поляне. Главное – удержаться на ногах и не прийти последним!

А первым бежал Змея. Он двигался, быстро-быстро семеня ногами, видно, груз был для него слишком тяжел, но пока все же выигрывал добрый десяток шагов. «Водяной» бежал наравне с Шенном. Неожиданно впереди, пересекая поляну поперек, натянулась веревка. Змея налетел на нее, споткнулся и не сумел удержать бревно. Он раздраженно взмахнул руками и отошел в сторону, скрывая лицо.

Зверь и Вода успели остановиться и замерли, зорко следя друг за другом. Как перебраться через преграду, не уронив ноши? А главное, не дать это сделать сопернику.

– Быстрее! – крикнул Борран.

Юноши смотрели друг на друга. Никто не решался идти первым, давая противнику шанс.

– Я жду! – сказал Борран. – Считаю до трех: раз...

Вода не выдержал первым. Он опасался класть бревно на веревку и, нагнувшись, стал подлезать под нее, кряхтя от напряжения. Шенн подскочил к скорчившемуся под тяжелой ношей сопернику. Хватило легкого толчка, и у Шенна не осталось конкурентов. Упавший бессильно взвыл, пытаясь достать Шенна ногами, но тот успел отскочить, с трудом сохранив равновесие.

– Ты должен донести бревно, – сказал Борран. Лицо прославленного дозорного потеплело, казалось, даже шрамы на лице улыбаются Шенну.

Шенн перекинул бревно на согнутые руки, нагнулся, придерживая ношу, мигом пролез под преградой и вновь закинул груз на плечо. Осталось дойти до Боррана.

Он бросил бревно у ног дозорного и радостно улыбнулся. Он смог!

– Молодец, – проронил Борран. К ним подошел Кирм и молча двинулся куда-то в Лес. Борран и Шенн пошли следом. Молодой Зверь не оглядывался назад, зная, что оглядываться – признак слабости, и лишь представлял, как, должно быть, обидно проигравшим и как завистливо они смотрят ему вслед. Шенн выпятил грудь и расправил плечи.

Шли долго. Местами деревья сплетались в неприступные стены, где даже острый глаз Шенна не мог найти ни малейшей лазейки, но Борран безошибочно находил проходы, и юноша отдал бы зуб, чтобы узнать, как он это делает. Птицы смолкли, а чавкающая под ногами земля воняла гнилью. Шенн почувствовал, что они идут под уклон, и действительно, склон становился все круче и круче, словно путь их лежал в огромную яму...

Наконец, деревья расступились, и Шенн оказался на краю гигантской воронки. Странные, причудливо изломанные деревья окружали ее сплошной стеной, их корни, словно толстые черные змеи, торчали из песчаного склона. На дне ямы стояло огромное дерево. Одного взгляда хватило, чтобы Шенн обомлел от благоговейного ужаса: его привели к Хозяину Леса!

Шенн никогда не видел ничего подобного. Это дерево внушало ужас, и страшная красота его не давала отвести взгляд. Множество бугристых черных стволов росли из иссиня-черного, округлого тела, похожего на голову, но безо рта и глаз, обтянутую морщинистой, местами пульсирующей кожей. Стволы тянулись параллельно земле, а их гибкие ветви извивались в воздухе, словно живые руки.

– Иди и поклонись Хозяину! – велел Кирм и надел на шею юноши ожерелье из душно пахнущих трав. Шенн беспомощно оглянулся на Боррана.

Сейчас он согласился бы на проигрыш в состязании, только бы не спускаться вниз, к черным извивающимся ветвям. Дозорный застыл, как изваяние. Его взгляд был отрешен, костяшки пальцев побелели, сжимая копьё.

– Иди же! – недовольно повторил старейшина.

Шенн сделал несколько шагов, и осыпающийся песок повлек его вниз. Сердце Шенна сжалось, когда качавшиеся на весу ветви, вблизи походившие на змеиные хвосты, потянулись к нему и, как отвратительные бескостные пальцы, ощупали с головы до ног. Один из отростков прикоснулся к лицу, оставляя на щеке холодный влажный след. Внутри ствола раздался глухой протяжный стон, и Шенн услышал голос старейшины:

– Возвращайся назад! Быстрее! Он принял тебя.

Шенн почувствовал жжение на щеке, там, где к нему прикоснулся Хозяин, но не осмелился поднять руку и стереть влажный след. Юноша с трудом взобрался на крутой, осыпающийся склон, и Борран протянул ему сухую крепкую ладонь:

– Держись, – сжал и одним махом вытащил наверх.

Шенн тут же посмотрел на Кирма. Старик глядел на лицо Шенна, но не в глаза, а на щеку. «Что там», – с испугом подумал Шенн, но спросить старейшину не осмелился.

– След Хозяина, – улыбнувшись щербатым ртом, проговорил Кирм. Борран одобрительно кивнул.

Щека болела все сильнее, и Шенн едва сдерживался, чтобы не закричать от обжигающей боли. Он вновь посмотрел на Боррана и неуверенно поднял руку к лицу. Старейшина и охранник молчали. Шенн дотронулся до щеки и вместо нежной кожи почувствовал под пальцами твердый змеистый шрам. Схватившись за щеку, Шенн взвыл от боли и упал на колени. Из глаз потекли слезы, и юноша склонил голову, чтобы Борран и Кирм не видели этого.

– Он долго держался, – сказал старейшина.

Шенн не понял, похвала это или нет. Борран наклонился и сунул Шенну кожаную флягу:

– Смочи. Будет легче.

Шенн схватил флягу, плеснул воды на ладонь и прижал к щеке. Стало как будто легче. Прохладная вода смягчила пульсирующий на щеке огонь. Он смочил лицо, чтобы никто не увидел слез, и поднялся на ноги.

– Молодец, Зверь! – улыбнувшись, сказал Борран.

Шенн притаился на границе Леса. Он охранял этот участок уже две полные луны, исходил и исследовал все звериные тропы, расставил ловушки на крупного зверя, с которым нелегко сойтись один на один, но за все это время никто, ни единая живая душа не пыталась проникнуть за невидимый барьер. Даже звери Снаружи сторонились этих мест, словно бы зная, что это земля Хозяина, и обходили невидимую границу иной дорогой. На самом деле, в почти сплошной стене деревьев располагалось всего несколько узких проходов – их-то и охранял Шенн.

Выходить за границу Леса запрещалось под страхом смерти, и метка, оставленная Хозяином Леса на щеке Шенна, заставляла помнить об этом.

Шенн и не собирался переходить границу. Он – охранник, дозорный. Хозяин доверил ему стеречь Лес, и он будет охранять так, что и букашка не проползет!

Он поправил деревянное копьё, висевшее на ремне за спиной, и медленно двинулся по охранной тропе. И здесь чуткий слух Шенна уловил странные звуки. Юноша задержал дыхание и прислушался: кто-то подходил к охранной тропе, двигаясь открыто и смело. Подходил не со стороны Леса, а Снаружи!

Юноша прокрался к ближайшей тропе и затаился в тени поваленного дерева. Звуки приближались. А что, если твари или люди Снаружи решили вторгнуться в Лес? Старейшины говорят, что люди Снаружи злы и жестоки, они убивают друг друга, и еще они убивают деревья! Говорили, они много опасней тварей с Пузырящихся Болот, что их оружие сделано из блестящего дерева, во много раз прочнее и острее, чем наши каменные ножи и деревянные копы с костяными наконечниками! Убить человека Снаружи – великая честь, и Шенн постарается заслужить ее.

Кто-то идет, идет прямо к нему!

Шенн понял: сейчас решится его судьба, свершится то, к чему он готовился всю жизнь. Либо он перебьет опасных пришельцев, либо умрет в схватке с ними, умрет как охранник, с честью и славой, и его череп повесят на ветви священного дерева!

Но звуки стихли, видимо, те, что Снаружи, остановились и ищут удобный проход. Они не знают, сколько ловушек приготовлено для незваных гостей! Юноша скользнул по стволам накренившихся после страшного ветра деревьев и высунул раскрашенное маскирующим варевом лицо в просвет между ветвями.

Где же пришелец? Судя по звукам, тот был один. Шенн удивленно замер, услышав его голос. Пришелец так просто выдает себя? Значит, скоро умрет от руки Шенна! Но голос определенно женский. Шенн удивленно пошевелил губами. Интересно, женщины Снаружи так же жестоки и злы, как и мужчины? Этого старейшины не говорили. Зато говорили, что они уродливы и едят собственных детей...

Он знал, что нарушит запрет, зайдя за границу, но не мог сдержаться. Любопытство и азарт охотника толкнули вперед. Немного, всего несколько шагов, только чтобы увидеть! Шенн крался так тихо, как не двигался никогда в жизни, он не слышал даже самого себя, лишь сердце глухо стучало в груди, словно ритуальный барабан старейшин. За проходом деревья расступались, и остаться незамеченным было гораздо труднее. Он замер, слившись с последним деревом в одно целое, и вновь прислушался. Она совсем близко!

Так и есть! Женщина, судя по распущенным длинным волосам удивительного огненного цвета. Неужели бывают такие волосы? Зачем? Как можно спрятаться от опасности, имея такую яркую и заметную издали гриву? Зоркие глаза Шенна подметили блестящие лезвия какого-то оружия, выступавшие из-под черной, без рукавов, куртки красноволосой. Она шла осторожно, но не так, как следовало двигаться по Лесу. Если бы не волосы и особый запах, ее можно было принять за мужчину, ведь она носила штаны! В Лесу девушки всех родов носили длинные рубахи, с вырезами до колен, чтобы было удобно ходить и бегать.

Шенн подобрался, готовясь к прыжку. Удар копья в незащищенное горло легко прикончит ее. Она даже не успеет ничего понять...

Красноволосая замерла и остановилась. Он чем-то выдал себя? Если враг почуял тебя, учил Борран, бой наполовину проигран. Нет, она слышит что-то другое! И она явно встревожена. Ее кто-то преследует? Как жаль, что не видно лица...

Он решил не торопиться.

И услышал гулкие звуки шагов. Приближался кто-то большой и сильный, судя по громко трещающим под ногами сухим веткам. Так может ходить лишь очень могучее существо, не опасавшееся, что его съедят... Девушка выхватила из-под плаща блестящие крюки на длинных рукоятках и что-то произнесла. Голос красноволосой понравился Шенну. Ни у одной девушки в Лесу нет такого красивого и странного голоса. Как жаль, что он не может понять ни слова! И какие странные у нее ножи, ведь ни сдирать кожу, ни резать мясо ими неудобно...

Ее преследователь появился внезапно, громким ревом обозначив свои намерения. Это была огромная, в полтора человеческих роста тварь, волосатая, мускулистая, похожая на движущийся валун. Но не зверь, ибо сжимала в руке здоровенную палицу! Желтые глаза монстра полыхнули огнем, он зарычал, толстые губы приподнялись в жуткой ухмылке, обнажив кривые клыки. Встряхнув гривой спутанных волос, доходивших до пояса, чудище подняло дубину и двинулось на девушку.

Шенн моментально понял, что для красноволосой все кончено. Противостоять такому великану в одиночку не решился бы ни один охотник или дозорный. Чудовище убьет ее очень быстро. В этом Шенн нисколько не сомневался, и ему стало жаль незнакомку. Все же она была красива, а Шенн умел ценить красоту. Грейл смеялся, когда Шенн вырезал из дерева фигурки животных, он называл это занятием для женщин. Но Шенну это нравилось, и насмешки Грейла он не слушал. «Сначала пусть станет дозорным, как я, – не без удовольствия подумал Шенн, – а потом смеется!»

Меж тем схватка началась. Красноволосая выжидала, выставив перед собой странное, блестящее, как лучи солнца, оружие. Монстр зарычал и шагнул к ней, занеся обломок дерева над головой. Такой удар неминуемо убил бы ее, и Шенн невольно сжался, представив себя на месте незнакомки. Но красноволосая оказалась весьма проворной. Проскользнув под огромной ручищей, девушка взмахнула блестящими крюками и отпрыгнула в сторону. Монстр завыл – из разрушенной лапы брызнула кровь. Он бросился на девушку, та успела отскочить за древесный ствол. Монстр медленно двинулся вокруг дерева, налитые кровью глаза, не отрываясь, следили за маленькой, но опасной фигуркой.

Темная кровь струилась по шерсти страшилища. Шенн хорошо чувствовал ее запах, по движениям твари ощущая ее злобу и ярость. Тварь была ранена, но все еще очень опасна. И красноволосая, похоже, понимала это. С таким противником ей не совладать. Она пятилась по направлению к Шенну, а чудище шло за ней, оскалив клыки. Дубину монстр поднимать не стал, надеясь и без нее прикончить человека. Могучая, свисавшая до колен, длань монстра могла сломать небольшое деревце, что уж говорить о человеке. Девушка отступала, пока не уперлась спиной в переплетенье стволов, за которым притаился Шенн. Проход был рядом, но она не видела его, ибо не могла повернуться спиной к твари. Шенн висел прямо над ней. Она быстро оглянулась, и дозорный увидел ее лицо так близко... И в следующий миг понял, что не даст зверю убить ее, что бы ни случилось потом! Напряженный прищур голубых, как небо, глаз и плотно сжатые ярко-красные губы на удивительном овале лица поразили Шенна. Она была прекрасна чужой, неведомой красотой, и в голову юноши вползла крамольная мысль: такая девушка, пусть даже пришедшая Снаружи, не может быть злобной и жестокой!

Зверь размахнулся. Его удар убил бы красноволосую, если бы не Шенн: юноша с силой метнул дротик, вогнав его прямо в глаз твари. Будь на ее месте человек, он бы упал замертво,

но тварь лишь выронила дубину. Завывая от ярости, она выдернула дротик из глаза – это дало красноволосой время отступить. Шенн вышел из-за дерева и взмахнул рукой, надеясь, что девушка поймет его знак. Так и есть. Она бросилась к неожиданному спасителю, а Шенн отступил на тропу достаточно медленно, чтобы она поняла, где проход. Ее глаза были удивительными, синими-синими, и Шенн пяtilся, не отводя от них взгляд.

Рев чудища вернул его к действительности. Даже серьезно раненный, монстр не соби-рался упускать добычу и кинулся вслед за ними в Лес.

Красноволосая что-то сказала, и Шенн догадался, что она благодарит его. Еще рано! Он протянул руку. Надо бежать вместе, чтобы не попасть в расставленные у тропы ловушки. Она почти не колебалась, лишь засунула один из блестящих крюков за широкий пояс и сжала его ладонь. Второй крюк остался наготове, и Шенн заметил это. Правильно, на ее месте он бы тоже осторожничал.

Чудищу становилось все теснее на тропе. Оно еле протискивалось между плотно сто-явшими деревьями, оставляя на тропке и стволах кровавые потеки. Шенн остановился и, отпустив руку девушки, сказал, указав пальцем на нее, а затем на землю у себя под ногами:

– Останься здесь! Я справлюсь сам. Никуда не ходи! Никуда! – Он подкрепил свои слова энергичным жестом, и, кажется, красноволосая поняла.

Шенн вышел навстречу монстру. Тварь взмахнула длинной рукой, но юноша отпрыгнул без особого труда. Он метнул второй дротик, но для чудища тот был как укус мошкары – хоть и остро заточенный, деревянный наконечник просто застрял в густой шерсти, не при-чинив твари ощутимого вреда. Выбить бы второй глаз – но это вряд ли получится. Что ж, у Шенна есть еще кое-что...

Он подскочил к монстру, стараясь раззадорить порядком истекшего кровью против-ника, тот взревел и резво кинулся на Шенна. Уворачиваясь, юноша споткнулся о корень, и сердце сжало ледяными пальцами – такая оплошность могла стоить жизни! Шенн рванулся изо всех сил и ушел от смертельных объятий, когти лишь разорвали рубашку на спине. Он сошел с тропы и побежал, зверь мчался за ним. Юноша слышал его дыхание за спиной, но не оглядывался. Еще немного, несколько шагов! Шенн оттолкнулся и подпрыгнул, ухватив-шись за висящую лиану, зверь замахнулся лапой, но земля под ним с треском провалилась. Раскачиваясь, юноша висел над ямой, а тварь умирала, корчась на острых кольях ловушки.

Краем глаза он увидел красноволосую. Что за волосы, как огонь! С такими волосами в Лесу не скрыться. Если только измазать их грязью... Но тогда она не будет такой красивой! Но с такой внешностью здесь ее ждет только смерть.

Он раскачался и ловко спрыгнул наземь. Девушка подошла, улыбнулась и что-то ска-зала, показывая пальчиком на его лицо и волосы. Конечно, они не такие красивые, ведь он измазал их грязью вперемешку с травой. Зато никто не увидит Шенна, когда он в дозоре!

Она подошла к краю ямы-ловушки и посмотрела вниз. Потом что-то сказала и плю-нула на мертвого монстра. Ее прекрасное лицо выглядело усталым, но она улыбалась. И как улыбалась! Шенн вспомнил, что еще недавно хотел убить ее, но теперь, видя ее улыбку... Он не сможет. Но есть закон! Чужаки не должны переступать границ Леса, и он, дозорный, поставлен следить за этим! Шенн помнил, как жесток Хозяин Леса, как он наказывает ослу-шавшихся его, и невольно содрогнулся. Надо что-то делать...

– Тебе надо идти, – сказал он, взяв девушку за плечо.

Красноволосая охнула, ее прекрасное лицо исказила гримаса боли. Шенн глянул и понял: когти твари заделали ее, но девушка не подала вида, что ранена. В народе Шенна ува-жали терпеливых, а уж если это девушка... Он осторожно протянул руку и, глядя ей в глаза, сказал:

– Я перевяжу твою рану. У меня есть снадобье из паутины и помета короода, оно зажив-ляет очень быстро. Только не здесь, пойдем отсюда. Я покажу тебе укромное место.

Они отошли на границу Леса, на место, где Шенн обычно спал. Несколько упавших деревьев и свисавшие с крон лианы создавали небольшой укромный уголок, совершенно незаметный постороннему глазу. Дозорный жестом предложил сесть на ложе из мягкой пахучей травы, отбивавшей любой запах, и дернул себя за рубаху, показывая, что надо снять верхнюю одежду.

Красноволосая что-то произнесла, но подчинилась, не сводя с Шенна пронзительных синих глаз. Она положила блестящие крюки рядом и сняла странную кожаную куртку с вывернутым наружу мехом, распоротую жуткими когтями. Под ней оказалась рубашка, белая-белая, с синим шнурованным вырезом. Шенн никогда не видел такой. Из чего она сделана? Материал был тонкий и мягкий и совершенно не походил на траву. Рукава рубахи грубо оборваны, и на голой руке юноша увидел рану с сочащейся кровью. Под ложем из трав он нащупал кожаную флягу с водой и, подобравшись ближе, осторожно промыл рану, чутко прислушиваясь к происходящему в Лесу. Рев монстра мог привлечь внимание других дозорных или кого-нибудь еще – надо быть наготове. «Наготове к чему? – думал Шенн, украдкой разглядывая девушку. – Если нас заметят вдвоем, ее убьют сразу, а меня отведут на суд к Хозяину Леса!» В том, что приговор будет единственным и страшным, Шенн не сомневался. Почему же он не убьет ее? Почему вместо того, чтобы проломить красноволосой голову палицей, он залечивает ей рану? Шенн понял почему, еще раз взглянув в глаза девушки. Он может отпустить ее и вывести за пределы Леса, но как он станет жить без этих глаз и чудесных огненных волос? Как она выживет одна, раненая, ведь по Лесу бродят твари и сильнее, и опасней того чудища!

Мазь густым коричневым слоем покрыла рану, а поверх нее Шенн наложил повязку. Юноша закончил работу и отодвинулся на расстояние вытянутой руки. Красноволосая заметила, как он смотрел на нее, и улыбнулась. «Она понимает, что нравится мне», – подумал Шенн. Он приложил ладонь к груди и назвал ее:

– Шенн, – потом протянул руку к ней. Пальцы едва не коснулись ее груди, довольно заметной под полупрозрачной рубашкой.левой рукой красноволосая поправила прядь, упавшую на лицо, и назвала себя:

– Далмира.

«Ее зовут Далмира, – подумал Шенн, – какое необычное имя! Такое же красивое, как и она сама! Выходит, старейшины говорят неправду, и люди Снаружи не жестоки и кровожадны, иначе она бы попыталась убить меня!»

– Здесь опасно, тебе надо уходить, – сказал он, – но не бойся, со мной ты в безопасности!

Произнося эти слова, Шенн бахвалился: в действительности он не мог поручиться ни за ее жизнь, ни за свою. И пусть она не поняла ни слова, его уверенная речь должна успокоить девушку.

Он медленно протянул руку к лежащему крюку и вопросительно посмотрел ей в глаза:

– Могу я посмотреть это?

Красноволосая не препятствовала, но что-то произнесла в ответ, и тон ее голоса стал... нет, не угрожающим. Скорее, предупредительным. Шенн понял: она разрешает потрогать оружие, но предупреждает, что наготове. Шенну нравилась такая осторожность, он ощущал, что с него не сводят глаз и следят за каждым движением, но также чувствовал, что Далмира не нападет первой.

Он взял в руки резную полированную рукоять из странной кости, непохожей на кость животного, и первым делом попробовал ногтем остроту лезвия. Ого! Таким ножом запросто вспорешь толстую шкуру кородея, а ведь наши деревянные дротики просто отскакивают от нее! Но почему лезвие такое кривое? Ведь лучше сделать обычный прямой нож!

Далмира заметила его удивление и улыбнулась, показав ровные белые зубы. Она протянула руку, и Шенн не без сожаления отдал странный нож. Девушка сунула плоские крюки в специальные ножны на поясе и поморщилась – видимо, рана давала о себе знать. Из-под плаща виднелись лишь рукояти.

– Интересно, какой он, мир Снаружи? – спросил Шенн и горько пожалел, что они не могут понять друг друга. Сколько можно узнать нового, будь у них один язык! Но даже если бы он и узнал что-либо, что проку? Как рассказать об этом родичам? Ведь старейшины не позволяют даже спрашивать о том, что происходит Снаружи! Они говорят, что существа, обитающие там, прокляты, они несут только зло – и люди и звери, поэтому их нужно убивать. Убивать всякого, преступившего границу Леса. Он не выполнил первую, наиглавнейшую заповедь и теперь, пусть даже отпустит Далмиру восояси и никто не узнает о его оплошности, как жить, зная то, чего не знает никто из рода Зверя? Как хранить знание, ни словом, ни полусловом не выдавая его? Шенн замер, почти физически ощущая, как по миру зазмеилась огромная трещина, разделяя старое и новое, правду и вымысел.

«Даже если я убью ее, – вдруг понял Шенн, – это ничего не изменит. Потому что правду нельзя убить. И если я видел, никто не разубедит меня, что этого не было, даже Кирм!»

Он встрепнулся: совсем забыл, что вот-вот должна прийти Глеонн и принести еду. Как же он оплошал! Нужно спрятать Далмиру и так, чтобы Глеонн не учуяла ее. А нос у Глеонн чуткий, даже лучше, чем у Шенна!

Он вскочил, разгреб постель и жестом показал девушке, что надо ложиться.

– Прячься, прячься! – повторял он, но она не понимала. Шенн схватил ее за руку и попытался затащить на траву, но красноволосая неуловимым движением освободилась от захвата, и с завернутой за спину рукой Шенн уткнулся носом в траву. Встать он не мог: Далмира контролировала все попытки освободиться, выкручивая руку так, что Шенн не мог сдвинуться с места. Далмира что-то сказала, и Шенн почувствовал нотки презрения. Но что он сделал не так? Он ведь хотел всего лишь спрятать ее! А если сейчас придет Глеонн?

Наконец, его отпустили. Но перед этим Далмира обшарила его одежду и лишила юношу костяного ножа и дротиков. «Она больше не доверяет мне! – огорченно подумал Шенн. – Но почему?» Удивительно, но он жалел о потере ее доверия больше, чем об утраченном оружии.

– Понимаешь, тебе надо спрятаться! – просительным тоном начал говорить он. – Тебя могут увидеть и тогда убьют! Ты должна спрятаться сюда! – он вновь указал на ворох травы у своих ног и почуял движение за спиной. Он оглянулся – никого. Но чутье редко подводило Шенна – их разговор спугнул кого-то. Может, безобидный зверек, а может... Забыв, что у него нет оружия, Шенн бросился на звук и расслышал топот удалявшихся шагов. Он побежал изо всех сил. В роду Зверя никто не бегал по Лесу лучше, чем молодой Шенн, и он неотвратно настигал беглеца.

– Глеонн, это ты?! Глеонн, стой! – кричал он, ловко проскальзывая между древесных стволов, перепрыгивая через коряги и уворачиваясь от веток и сучьев. Внезапно раздался вскрик, потом протяжный полный ужаса вопль – и все смолкло. Шенн подбежал ближе и остановился на краю пропасти. В этом месте Лес пересекала огромная трещина. Шенн смог бы перепрыгнуть через нее, но Глеонн вовремя не разглядела опасности и упала вниз, в черную непроглядную щель. Эти трещины появлялись и исчезали из года в год, разрывая и уродуя Лес, и даже старейшины не знали причин этого. Однажды такая трещина чуть не убила Шенна, когда он был маленьким.

Он прислонился к дереву, тяжело дыша. «Если Глеонн нас видела, – подумал Шенн, – теперь она мертва, и моя тайна осталась тайной. Надо возвращаться».

Он шел назад быстрее и быстрее, потом не выдержал и сорвался на бег. Шенну казалось, что Далмира уйдет из Леса или наоборот, пойдет вглубь, на свою погибель...

Вот и знакомые деревья. Шенн проскользнул между лиан и оказался в своем тайном логове. Далмира оставалась здесь! Шенн облегченно улыбнулся, потом вспомнил о Глеонн и помрачнел. Жалко ее, но что бы он сделал, если бы догнал Глеонн? Ведь она ни за что не согласилась бы хранить молчание! Получается, ее смерть только на руку. Он знал Глеонн с детства, носил рубаху, сшитую ее руками и никак не мог поверить, что сам привел ее к гибели. Шенн решил об этом не думать. Как и его сородичи, он относился к смерти спокойно, как к обычной, повседневной вещи. В Лесу никто не знает, когда умрет...

– Все хорошо! – сказал он Далмире. – Все хорошо. Мы можем оставаться здесь еще некоторое время.

«А потом? – спросил он сам себя. – Ты отпустишь ее? И она уйдет навсегда? Впрочем, я все равно не смогу ее удержать, к тому же она забрала мое оружие».

Он показал раскрытые ладони и уселся на ложе, жестом предложив ей сделать то же самое. Красноволосая покачала головой, чуть улыбнулась и села рядом.

– Нам надо понять друг друга, – сказал Шенн. – Я хочу понять, что ты говоришь, изучить твой язык, узнать, откуда ты и куда идешь?

Далмира слушала. Шенн протянул вперед руку, провел указательным пальцем от плеча до ладони и ткнул в нее пальцем:

– Это рука, – сказал он. – Р-у-к-а. А как по-вашему?

Девушка улыбнулась и кивнула. Она поняла и была не против нового занятия.

– Леос, – сказала Далмира, повторяя движение Шенна.

– Леос, – произнес Шенн, смакуя на звук первое узнанное им слово. – Рука.

Глава вторая Изгой

Наступала ночь. Птицы умолкали, под могучими кронами сгустилась тьма, и через короткое время Шенн уже не мог разглядеть ствол дерева на расстоянии вытянутой руки. Далмира спала, а он не мог уснуть, раз за разом повторяя в голове новые необычные слова. Он мог бы выучить еще десяток, но Далмира устала, и Шенн смирился. Узнанных слов хватило, чтобы дать ей понять: он не причинит ей зла и не убьет. Сейчас это главное. А потом он узнал название ее странного оружия – «нож». И еще много других слов, непонятных и удивительных, приоткрывших ему совершенно иной мир.

Он не заметил, как уснул. А проснулся оттого, что кадыком почувствовал прижавшийся к горлу костяной нож.

– Не дергайся, Шенн! – прошептал кто-то на ухо.

Раннее утро. Тьма уходит, оседая на траве каплями влаги, и в утренних сумерках Шенн увидел, как двое дозорных навалились на спящую Далмиру и скрутили ей руки. Пленников поставили на ноги, и тогда из-за деревьев вышел Кирм. Старик, не спеша, подошел к девушке и оглядел с головы до ног.

– Хороша! – сказал он. – Хозяин будет рад. Он давно ждет свежей крови, да и ослушников надо наказывать, ты ведь знаешь, Шенн.

– Отпустите ее! – крикнул Шенн, но голос его прозвучал неубедительно. Он и сам знал, что ее не отпустят. И молить об этом бесполезно. Так же, как о пощаде.

– Как же ты осмелился нарушить закон Леса, закон Хозяина? Ты поставлен охранять Лес, но ты пустил в него чужака и осквернил себя! Теперь ты умрешь, Шенн из рода Зверя, умрешь как отступник и предатель. Ты знаешь, что это значит.

– Что же, пусть будет так, – сказал Шенн. – Я не прошу о пощаде, старейшина Кирм, я лишь прошу, ответь: почему все говорят, что люди Снаружи злы и жестоки, хотя это не так? Она не хотела убивать меня, но вы хотите убить ее! Так кто из вас жесток? И кто говорит правду?

– Заткните ему рот, – велел Кирм.

Приказ был моментально исполнен, и выдернутый из земли, грязный пучок травы преврал речь Шенна. Старейшина подобрал с земли оружие юноши и на его глазах сломал и копьё и дротики.

– Ты умер, Шенн, – сказал он презрительно. – Оружие тебе больше не понадобится. И имя твое навсегда будет забыто в нашем народе. Тебя больше нет.

Он замолчал и пошел прочь. Шенна и Далмиру потащили следом.

Он знал, куда их приведут, но Далмира не знала. И когда увидела огромное черное дерево с извивающимися в воздухе ветвями, замерла, догадываясь, что ее ждет. Лицо девушки побледнело, и, казалось, красные волосы засияли еще сильнее, сгустком волшебного огня, невесть как попавшего в Лес. Шенн даже забыл о висевшей на волоске жизни, думая: как возможно, чтобы такая красота погибла, чтобы Далмира никогда больше не ходила, не разговаривала, не смеялась... Он ненавидел Кирма и своих сородичей, слепо подчинявшихся ему. О, будь у него хотя бы каменный нож, он вонзил бы лезвие в грудь старика и наслаждался его смертью!

Но сейчас их волокли к яме, в которой рос Хозяин. Подтащив пленников к краю огромной воронки, охранники по знаку Кирма столкнули обоих вниз.

– Прими их, Хозяин Леса, – с поклоном сказал Кирм, – это наша жертва тебе!

Он махнул рукой, и охранники удалились. Некоторое время старик смотрел вниз, на корчившихся в путах пленников, медленно сползавших по песку к черным извивавшимся ветвям. Старейшина довольно улыбнулся, еще раз низко поклонился Хозяину, повернулся и скрылся за деревьями.

Они сползали вниз, к этим жутким ветвям, прикосновение которых Шенн запомнил на всю жизнь. Ноги и руки крепко связаны. Что ж, вот и смерть...

– Далмира! Далмира! – крикнул он.

Девушка лежала рядом, ноги ее пытались оттолкнуть тело подальше от гибельных ветвей, но они вязли в сыпучем песке. Она сползала вниз еще быстрее Шенна.

– Голова! Шенн, голова!! – крикнула она.

Шенн понял и взглянул на ее голову. Среди огненно-красных волос что-то блеснуло. Какая-то вещь, сделанная из того же материала, что и серпы, а значит, тверже дерева! Извиваясь, как червь, Шенн пополз к девушке. Она попыталась изогнуться, юноша услышал ее отчаянное, прерывистое дыхание. Далмире удалось повернуться, и он уткнулся лицом в пышные красные волосы, вдохнув их удивительный запах. Шенн увидел блестящую штуку, схватил зубами и потянул на себя. Она походила на заколку, которыми закалывают волосы девушки Леса, но имела чуждую, странную форму.

Заколка не поддавалась. Одна из ветвей обвила связанные ноги Далмиры и потащила девушку вниз. Далмира закричала. Шенн вцепился в заколку зубами и резким рывком выдернул ее вместе с клочком огненных волос. Шенн почувствовал, как под резцом что-то шелкнуло и, скосив глаза, увидел выскочившее из заколки маленькое треугольное лезвие. Дальше он действовал быстро, зная, что нет ни одного лишнего мгновенья. Он прогнулся, пропуская связанные за спиной руки под ягодицами и ногами, потом поднес путы ко рту и несколькими движениями разрезал их. Чудесное лезвие было очень острым. Одним взмахом Шенн освободил ноги и прыгнул за Далмирой.

Черная ветвь тащила ее к бугристому стволу, внутри которого что-то хлопало. Несколько желтых змеистых трещин раскололи верхушку, и лоснящиеся слизью лоскуты открыли небу зияющую пасть. Юноша схватил Далмиру за одежду, немного замедлив движение, но разве сравнится сила человека с силой Хозяина Леса? На помощь одной ветви пришла другая.

– Шенн! Шенн, помоги мне! – кричала Далмира, сопротивляясь изо всех сил.

Шенн рывком перевернул ее на живот и перерезал веревки, освобождая руки. Ноги девушки держали ветви Хозяина Леса. Юноша с криком полоснул лезвием по черной ветке – бесполезно, Хозяин даже не почувствовал удара. Если бы у Шенна были те ножи!

Ноги девушки висели в воздухе, и ветви подтягивали ее ко рту Хозяина, раскрывавшему все шире. Из отвратительной трещины потекла желтая пузырящаяся слюна.

– Помоги, Шенн, Шенн!

Не зная этих слов, юноша догадывался, что они означают. Он мог бежать и спастись, но не мог позволить Хозяину Леса убить Далмиру! Увернувшись от толстой ветви, Шенн подскочил к стволу и полоснул по нему лезвием. Дерево застонало. Ствол оказался более нежным и уязвимым, нежели ветви. Лезвие оставило глубокий порез, из которого брызнула густая темная жидкость.

– Не нравится, Хозяин Леса? – закричал Шенн. Размахиваясь от плеча, он полосовал живое дерево. – Ты хотел убить нас, теперь умрешь сам!

Дерево отпустило девушку, и она упала на песок. Шенн кинулся к ней и ударом ножа освободил ноги.

– Бежим, Шенн! – Далмира потянула его за руку, но юноша не торопился уходить. Не обращая внимания на угрожающе раскачивавшиеся черные ветви, он раз за разом вонзал

маленькое лезвие в тело Хозяина. Небывалое чувство охватило Шенна. Всю жизнь он боялся Хозяина, боялся даже его имени, а теперь бьет ножом!

– Скольких людей ты убил? Скольких сожрал, Хозяин Леса? – кричал Шенн. – А меня убить не можешь!

Удар ветви по голове едва не лишил его сознания. Шенн осел на песок и невольно подчинился Далмире, потащившей его прочь. Огромное дерево стонало, его ветви били беглецов, но не пытались схватить их.

Приговоренные к смерти карабкались вверх, цепляясь за торчавшие из песка корни. Выбравшись из воронки, они без сил распростерлись на траве. Шенн думал: вернись сейчас Кирм – и их немедленно убьют. Но сейчас ему было все равно – слишком много сил ушло на борьбу с Хозяином.

Кирм не пришел. На их счастье, старейшины не беспокоили Хозяина во время трапезы.

– Надо идти! – Шенн приподнялся с травы и затормозил Далмиру.

– Да, надо идти, – на своем языке отозвалась она. Сейчас они прекрасно понимали друг друга.

– Только не шуми, ступай тише, – говорил Шенн, прислушиваясь к шуму Леса. – Нас никто не должен почуять – иначе мы умрем!

Далмира, казалось, хорошо понимала его, старалась ступать как можно тише и не торопилась, отчаянно борясь со страхом. Чувство смертельной опасности толкало вперед, хотелось бежать, чтобы быстрее выбраться из этого ужасного места, но она догадывалась, насколько важно оставаться незамеченными. В своем кругу она считалась ловкой и проворной, но ходить по Лесу так, как умел ходить Шенн, девушка не умела. И это могло погубить их...

Наткнувшись на лесной ручей, Шенн несказанно обрадовался, но не жажда была тому виной. Впрок напившись, Шенн зачерпнул горсть земли и глины, добавил пук травы и тщательно растер в руках. Далмира, не понимая, следила за странными приготовлениями. Закончив месить, Шенн знаком показал на голову Далмиры и произнес на ее языке:

– Голова!

Теперь она поняла. Не без колебаний девушка взяла щепоть грязи и неуверенно втерла в роскошные волосы. Шенн не стал ждать и плюхнул содержимое ладоней на ее макушку, энергично размазывая грязь, траву и листья. Далмира покорилась. Она тоже понимала, насколько заметны в лесу ее волосы. Остатки маскировки Шенн хотел нанести ей на лицо, но не посмел и замер с грязными растопыренными пальцами. Далмира поняла его нерешительность и, взяв за запястья, провела пальцами юноши по лицу, оставляя грязно-зеленые разводы. Шенн улыбнулся: теперь она напоминала девушек его рода, когда они прячутся в Лесу от женихов. Далмира улыбнулась тоже, ровные белые зубы блеснули на грязном лице. Они двинулись дальше.

Шенн решил пробираться к той части Леса, где встретился с Далмирой. Лес там знакомый и хоженный множество раз. Кроме того, бывший дозорный хорошо знал число и расположение всех ловушек на тропе. И, наконец, Шенн не представлял, куда идти дальше, а Далмира может показать дорогу. Ведь она куда-то шла! Только об этом думать рано, сейчас им надо выбраться из Леса. За его границей их преследовать не будут. Остается единственная преграда – и ее не обойти. Выбраться из Леса они могут, используя тайные проходы, но все они тщательно охраняются, и на месте Шенна притаился другой дозорный...

Их бегство было долгим и совсем не напоминало бегство. Они крались, как мелкие пугливые ящерицы, прислушиваясь к каждому звуку, вжимаясь в землю при малейшем шорохе. Шенн вслушивался и внюхивался в окружавшие их и казавшиеся непролазными заросли,

по одному ему известным приметам находя верный путь. По дороге он подобрал увесистую палку, в случае опасности она послужит хоть какой-то защитой.

Далмира очень устала, но старалась не показывать вида. Ноги ее все чаще цеплялись за корни, дыхание сбивалось, движения стали медленными и неловкими. Шенн заметил это и решил сделать привал. До намеченного им прохода оставалось совсем немного. Он отдышал и оценивал свои шансы. Никто не знает, что они живы – это хорошо! Но это не станет преградой дозорному, затаившемуся на тропе. Оружия у них нет, еды тоже, но и это пустяки. Главное сейчас – выбраться из Леса!

Он вспоминал схватку с живым богом и не верил себе. Он посмел преступить закон и остался жив! Он поступил так, как велело сердце, – и победил! Выходит, нет для него теперь законов и нет богов! Шенн свободен!

Они сумели выбраться из рук Хозяина Леса живыми! Наверно, никому и никогда не удавалось выскользнуть из жуткой воронки, иначе как объяснить благодушные старейшины Кирма, даже не удостоверившегося в смерти отступника и жертвы? Он посмотрел на настоженно-испуганную Далмиру и подумал, что когда-нибудь такой же вид будет и у него. Когда он окажется в ее мире, и все вокруг станет так же непонятно и страшно, как для его спутницы этот Лес.

Он решил отдохнуть до наступления ночи, и продолжить движение в утренних сумерках, когда свет не полностью властвует под покровом Леса, а тени расплывчаты и неясны. Самое время проскользнуть незамеченными! Но Шенн понимал, что это вряд ли получится. Даже если бы он был один, мало шансов справиться с сидящим в засаде дозорным, вооруженным и свежим охотником, прекрасно умеющим убивать.

Они заснули, скорчившись на траве среди узловатых корней, а наутро Шенн понял, как быть. Каждый день девушка из рода дозорного приносит еду, чтобы он не охотился и не отвлекался от охраны границ. Глеонн тоже приносила Шенну еду, пока не погибла. Юноша решил устроить дозорному засаду, но для этого Далмира должна выучить несколько слов.

– Я принесла тебе еду, – сказал он девушке и жестом попросил повторить.

Далмира сообразила, что от нее требуется, но произнести сложную для себя фразу не смогла. Шенн терпеливо повторил. Наконец, Далмира произнесла необходимые слова более или менее сносно. Шенн кивнул. Хорошо, но нужно идеальное произношение, такое, чтобы дозорный ничего не заподозрил. Они повторяли эти слова еще сотню раз, пока Шенн не улыбнулся и не показал Далмире кулак с тыльной стороны руки – знак, что все хорошо. Теперь еще одна фраза.

– Я хочу тебя, иди ко мне! – старательно повторяла Далмира раз за разом, и Шенн не мог сдержать широкой усмешки. Если бы она знала, что говорит!

Он оставил Далмиру в укромном месте и двинулся наперерез вероятному маршруту приносящей пищу девушки. Просидев в засаде, он услышал шум шагов и притаился за деревом. Шла девушка, судя по легкой походке и шуршанию сумки с припасами.

Едва она поравнялась с Шенном, тот стремительно выскочил из укрытия и ударил кулаком в затылок. Девушка упала, и Шенн, не теряя ни минуты, раздел ее догола. Сняв рубашку и широкий травяной плащ, Шенн прихватил сумку с дурманяще-ароматным запахом жареного мяса и зрелых плодов и побежал обратно. С этого момента каждый потерянный миг мог стоить жизни.

Опустившись на землю рядом с Далмирой, Шенн протянул добытую одежду:

– Одевайся!

Далмира поняла. Она стянула куртку, а поверх рубашки накинула странный чужеземный наряд, сплетенный вручную из выделанных гибких стеблей какого-то растения.

Теперь надо объяснить план! От ближайшего дерева Шенн отломал три веточки. Одну воткнул напротив девушки, указав на нее, другую напротив себя, показав на себя, третью воткнул в стороне и вытянул руку по направлению к проходам.

– Враг, – сказал Шенн и сделал страшное лицо. Далмира смотрела и слушала. Она чувствовала, что сейчас от того, как правильно она поймет этого грязного чумазого паренька, корчившего смешные рожи, зависит ее жизнь.

Веточка, обозначавшая Далмиру, передвинулась вперед, ближе к врагу. Воткнув веточку рядом, Шенн произнес уже знакомую ей фразу:

– Я принесла тебе еду!

Ветка-чужак двинулась к ней. Одновременно Шенн передвинул и свою ветку, чтобы Далмира поняла, что он будет рядом.

– Я хочу тебя! Иди ко мне!

Ветка-чужак двинулась быстрее. Вот она остановилась рядом с Далмирой, почти вплотную. А ветка-Шенн зашла сзади...

Юноша схватил ветку врага и сломал ее, глядя в глаза девушке. Потом характерным жестом провел себе по горлу, показывая, что враг будет убит. Но она поняла по его глазам. В них не было жалости.

– Ты поняла? – спросил он.

Далмира кивнула. Она поняла.

Далмира шла к указанному Шенном месту, то и дело поправляя накиннутый на голову капюшон. Нельзя, чтобы дозорный видел ее волосы.

– Я принесла тебе еду! – Она помахала сумкой с припасами, не трогаясь с места. Она не знала расположение ловушек и потому не шла дальше, призывно махая рукой: – Я принесла тебе еду!

Дозорный оставался невидимым. Далмира звала уже несколько раз и начала беспокоиться. Может, он ушел, его нет поблизости и надо подождать? А может, он разгадал их план, что-то заподозрил и сейчас подбирается к ней, чтобы убить? Далмира испуганно оглянулась, но не заметила ни единого движения. Даже Шенн, притаившийся рядом, ничем не выдавал своего присутствия. Она постояла еще немного, потом повторила слова. К ее удовлетворению, ей казалось, что говорит она практически безупречно, и теперь Далмира старалась вложить в свой голос завлекающие нотки:

– Я принесла тебе еду!

И он откликнулся. Мужской голос ответил ей, но она снова никого не увидела. Этот лесной народ мастерски скрывался среди деревьев. Далмира растерялась, подумав, что будет, если он спросит ее о чем-то, а она не поймет ни слова? Но выхода нет, надо играть роль, которую знаешь. Она звонко рассмеялась и, едва дозорный приблизился, спряталась за дерево.

– Я хочу тебя, иди ко мне! – повторила она, уже догадываясь, что скрывается за неизвестными певучими словами. – Иди ко мне! – Она отступила, изо всех сил надеясь, что Шенн будет рядом в нужный момент.

Дозорный, уже не скрываясь, шел к ней. Девушка склонила лицо, опустив глаза к земле. Сильные руки прижали ее к дереву, она услышала возбужденное мужское дыхание и почувствовала мускулистое тело. Он прижался к ней и сдернул травяной балахон. И замер, глядя на незнакомую белую рубашку и вымазанные грязью красные пряди. Его пальцы вздернули подбородок Далмиры, и он посмотрел ей в глаза: ни у одной из девушек Леса не было голубых глаз! Рука дозорного потянулась к костяному ножу, но сверху обрушилась тень. Далмира почувствовала удар, голова мужчины запрокинулась, и возникшая, словно из воздуха, рука

Шенна полоснула его по горлу заточенной заколкой. Кровь хлынула на рубашку девушки, и сородич Шенна рухнул наземь, содрогаясь в агонии. Путь свободен!

«А он умеет убивать, – подумала Далмира, не без содрогания вспоминая жестоких хелмаров, – но убивает без удовольствия, не так, как они...» Она смотрела, как Шенн деловито вытаскивает из-за пояса убитого дротики, берет его копье. Потом Шенн поднял узелок с припасами и подал ей. Они быстро пошли прочь.

Через несколько минут беглецы были на том месте, где их схватили старейшина и его люди. Шенн в последний раз осмотрел свое бывшее убежище, какое-то время служившее ему домом, и двинулся дальше. Далмира шла следом и даже узнавала тропу, по которой бежала от монстра. Здесь должна быть яма, в которую упало чудище. Где же она? Нога девушки соскользнула, но Шенн вовремя схватил ее за рубаху и резко оттащил прочь. Яма была на месте, просто ее вновь искусно спрятали.

Вот и узкий проход среди густо растущих деревьев. Граница Леса. Шенн невольно оглянулся. Назад дороги нет, впереди – иная жизнь. Возможно, она будет недолгой, но отныне Шенн сам станет решать за себя и жить, как он хочет! Теперь нет у него Хозяина, он сам себе хозяин!

Шенн повернулся спиной к Лесу и зашагал прочь.

Глава третья

Далмира

Шенн никак не мог привыкнуть, что вокруг – не родной лес. Что нет тропинок, знакомых с детства, укромных мест, где можно спрятаться от опасного зверя. Что никто не поможет и не спасет. Он ощущал великое одиночество, ведь отныне он сам за себя, один, *безродный*. Род Зверя проклял и забыл его, и как бы ни хотелось вернуться, назад пути нет. Шенн оглянулся на спутницу: Далмира шла следом, вертя головой и озираясь. Это правильно, но мало вертеть головой, мало увидеть – в Лесу надо чутя! Шенн отвернулся, скрывая невеселую улыбку. Да, теперь ему всегда надо быть наготове. Лес полон опасностей. И беспорядочное оглядывание не спасет. Шенна с детства учили полагаться не только на глаза, но и на звуки, на запахи, на чутье. На знания рода и опыт множества поколений охотников, собиравших знания о Лесе ценой жизни.

Пока Шенн не слишком беспокоился. Хорошо уже то, что нет погони. Убегать всегда труднее, чем догонять, особенно в Лесу. Он вдруг подумал, что совершенно не представляет, куда идти. В какую сторону? Далмира пришла со стороны восходящего солнца, но, судя по всему, назад она не рвется. Она просто следует за ним, не пытаясь выбирать направление. Интересно, что привело ее в эти места, размышлял Шенн, ведь она ничего не знает о Лесе? Зачем она пришла сюда? Если бы не он, то чудовище растерзало бы ее, а будь на месте Шенна другой дозорный... Она удачливая, подумал он, оглянувшись на шагавшую позади девушку. Это хорошо. Но даже удачливый охотник не должен чувствовать себя в полной безопасности... Лес никогда не спит!

И все же двое всегда лучше, чем один. Даже неуклюжий, толстокожий короед, говаривал как-то Борран, умеет выживать в Лесу, значит, и человек сможет! А уж двое! Вот только жаль, что они не понимают друг друга. Надо чаще говорить с Далмирой и узнать ее язык. Размышляя, Шенн пришел к печальному выводу, что язык предков ему больше не понадобится – он никогда не вернется, а выучить язык незнакомки надо обязательно. На этом языке говорят люди Снаружи, без этого знания ему не выжить...

Далмира улыбалась неуклюжим попыткам Шенна воспроизвести звуки чуждой его слуху речи, но старательность и настойчивость дикаря вызывали уважение. Похоже, этот парень понимал: им нужно общаться, чтобы выжить, и она терпеливо поправляла его, уча правильному произношению. Особенно сложно было со словами «да» и «нет». Далмира кивала головой, якобы соглашаясь, улыбалась, говоря «да», но дикарь ничего не понимал. Он повторял «да» и без причины радостно тряс головой, очевидно думая, что это слово означает поклон. Проще было с названиями окружающих вещей. В первый же день Шенн выучил название частей ее одежды и оружия, слово «земля», «трава» и «дерево». Они занимались словами на каждом привале, повторяли перед сном, и утром следующего дня, едва проснувшись, она услышала бормотанье Шенна:

– Шенн маленький, дерево большое. Трава маленькая, Шенн большой.

Далмира улыбнулась и кивнула. Правильно. Дикарь делает успехи.

Этой ночью ей приснился Оргнед, ее остров и дом, оставленный не по своей воле. Спокойную размеренную жизнь селения прервали хелмары – морские разбойники. Далмира металась и стонала во сне, заново переживая смерть отца и близких.

Они пришли, как всегда, неожиданно. Был вечер. С моря надвигался шторм, никто не ожидал, что хелмары появятся в такое время. Их набеги были не редкостью, они стремительно появлялись и исчезали, увозя на черных кораблях награбленное добро, домашних

животных и людей, в основном детей и женщин. Говорили, что похищенные дети вырастали в таких же безжалостных убийц, а женщины до самой смерти оставались наложницами и рабынями хелмаров.

Она металась среди огня и обезумевших людей. Одетые в мохнатые шкуры, вооруженные кривыми мечами, хелмары вламывались в дома, убивали и насиловали. Мужчины отбивались, как могли, но как могут сражаться рыбаки, владеющие лишь луком и острогами? И все же они сражались. Немало чужаков пало от их рук.

Никто не успел спрятаться в Башню. Далмира так и не смогла понять, почему? Ведь на самой верхушке всегда находился дозорный. Такие башни возвели и на соседних островах, они служили маяками для лодок и укрытием от пиратских набегов. В них свозились запасы зерна, обязательно был колодец. Не раз хелмары уходили ни с чем, ведь взять приступом высокую, сложенную из больших камней башню им было не под силу, а вести осаду разбойники не умели. Зато могли подкрасться внезапно, когда никто не ждал, как и случилось в ту ночь.

Почему дозорный не увидел подходящий корабль? Почему с соседних островов не предупредили сигнальным дымом и огнем? Этого никто теперь не скажет. Кто-то говорил, что надо последовать примеру соседей и откупаться от хелмаров данью. Отдавать им рыбу, скот и девушек. Пусть возьмут часть, но не убивают. Отец был против. На ее острове он был старейшиной, его уважали и слушали. «Этот зверь вечно голоден, – сказал отец, – протянешь ему руку, он откусит ее и будет есть, пока не сожрет тебя полностью! Дарами не сделаешь врага другом».

Он учил молодых метать остроги, стрелять из лука, а дети с малолетства приучались бежать к Башне, едва слышат тревожный звук трубы, сделанной из огромной раковины.

Трижды им удавалось прятаться в башне, трижды морские разбойники ни с чем уходили прочь, в ярости сжигая дома и рыбацкие сети. Однажды несколько смельчаков-хелмаров попытались вскарабкаться на Башню, но погибли от брошенных сверху камней и стрел. Трижды приходилось отстраивать селение заново, но это лучше, чем хоронить родных.

Но в этот раз все случилось по-иному. Ночью корабли хелмаров незамеченными причалили за скалами. Хелмары вошли в селение с разных сторон, и никто не успел спастись. Свирепые воины убивали любого, оказывавшего сопротивление. Далмира видела, как один догнал и зарубил мальчика, отважно метнувшего в разбойника камень. Крики и стоны заглушал победный рев завоевателей и раскаты торжествующего грома. То была страшная ночь, последняя для многих. Далмира металась меж домов, отбиваясь от рук пиратов. Путь к спасительной Башне перекрыли, разбойники врываются в дома, за волосы вытаскивая женщин, и забирали все ценное. Тогда она и увидела предводителя хелмаров – высокого, страшного человека с выпученными и прозрачными, как у рыбы, глазами.

Она остановилась, глядя, как в ноги предводителю швырнули окровавленного человека в знакомой остроконечной шапке. Отец! Ему не давали встать, наступив на спину ногой. Он что-то говорил разбойнику, тот молча слушал, затем так же молча подал знак рукой. Державший его бородатый хелмар поднял меч и пронзил лежащего ничком пленника. Далмира закричала. Небо ответило громовым раскатом, и вспышка молнии осветила бездыханное тело отца...

Хлынул дождь, но тугие струи не могли смыть потоков крови с оскверненной земли. Налетевший сзади хелмар схватил ее, Далмира вскрикнула и укусила разбойника за руку. Широкоплечий мужчина с широкой спутанной бородой выругался и ударил наотмашь. Она упала, едва не лишившись сознания. Мужчина схватил ее, легко закинув на плечо. Придя в себя, Далмира увидела освещаемый вспышками молний, блестящий от потоков воды, черный корабль.

Страх и ненависть сжали сердце так, что ей захотелось умереть, только бы не оказаться в рабстве у жутких хелмаров. Она повернула голову: из разоренного селения к кораблю шли завоеватели. Одни катили бочки с соленой рыбой, другие гнали скот, третьи волокли захваченных детей и женщин. Далмира посмотрела вниз и увидела нож, торчавший у хелмара за поясом. Она протянула руку, но кончики пальцев никак не доставали до рукояти. Уставший от ноши разбойник встряхнул девушку на плечах, и в тот же миг ее пальцы сомкнулись на рукояти. Сжав рукоять ладонями, Далмира размахнулась и всадила лезвие в бок хелмара. Дюжий мужчина вздрогнул, опустился на колено и отпустил ношу. Его рука потянулась к пробитой куртке и вернулась красной от хлещущей из бока крови. Он бешено взглянул на Далмиру и сдернул с пояса боевой топор. Не дожидаясь смертельного удара, девушка сделала выпад, как учил отец. Горло хелмара прочертила кровавая полоска, шея надломилась, и тело грузно осело наземь. Припав к земле, Далмира оглянулась: может, удастся бежать? Но ее заметили.

Завоеватели бежали к ней, на ходу вытаскивая мечи. Она поднялась, сжимая в руке окровавленный нож. Сейчас ее убьют, но она не дастся им живой! Но повелительный окрик остановил готовых к расправе воинов. На нее набросили сеть, вырвали нож и, осыпая пинками, поволокли на корабль.

Пленницу бросили у ног главаря и, подняв залепленное грязью лицо, Далмира увидела его глаза, пустые и беспощадные. Он схватил ее за одежду и рванул вверх. Материя затрещала, и девушка невольно поднялась. Предводитель смахнул с ее лица песок, провел рукой по волосам. Далмира в ужасе закрыла глаза, чувствуя, как пальцы предводителя прошлись по лицу и вздернули подбородок. Слезы застилали глаза, и лица окружавших врагов слились в одну опасную ненавистную пелену. Пальцы главаря больно сжали грудь, и она отшатнулась. Раздался свирепый смех.

Предводитель подал знак, и Далмиру отволокли в каморку на корме. Сквозь дощатую дверь она слышала крики плененных детей и женщин и тяжелые шаги хелмаров, волокущих богатую добычу.

Эту ночь она запомнила навсегда. Высокий варвар в пропахшей потом и залитой кровью ее отца одежде пришел неожиданно, когда она почти заснула, скорчившись на соломенном тюфяке. Отбросив тяжелый меч, он навалился на нее, страшные белесые глаза отнимали волю, заглядывая прямо в душу. Далмира пыталась сопротивляться, кричала, царапалась, но хелмар, не торопясь, раздевался, открывая бугрившееся мышцами волосатое тело. Он ударил ее по лицу, затем схватил за горло. Задыхаясь, она уже не могла сопротивляться и чувствовала, как его руки грубо шарят по телу, срывая остатки одежды, а потом...

Утром море успокоилось, и ветер стих. Подкладывая под корабль гладкие оструганные бревна, хелмары спустили его на воду и принялись грузить награбленное. Пленники, просидевшие на песке всю ночь, промокшие и избитые, понуро поднимались на борт. Отныне их жизнь принадлежала хелмарам, а это было хуже смерти.

Разбойники отплывали, разворачивая корабль на север. Далмира провожала глазами Оргнед, зная, что больше никогда не вернется сюда. Жизнь заканчивалась, не успев начаться, боги отвернулись, и уповать стало не на кого.

Плыли долго. Звезды пять раз всходили на небо, и Далмире, как никогда, хотелось стать такой же далекой и недосягаемой ни для кого, быть одной, но со всеми, и светить людям с небес. Отец говорил, что звезды – это души предков. Они попадают на небо после смерти и остаются там навеки, наблюдая за своими потомками. Может быть, ее отец уже там? Далмира до слез вглядывалась в ночное небо, ожидая знака, и увидела, как одинокая звезда скатилась в воды океана, погаснув навсегда. Был ли это знак?

Корабль приближался к землям хелмаров. Далмира чувствовала это по оживлению среди разбойников. Дети в ужасе дрожали, прижимаясь к матерям, не смея даже плакать.

Боль и страдания наполняли корабль, обжигаящими сердце волнами выплескиваясь за высокие борта. Хелмары не знали стыда и чести, насилуя женщин прямо на палубе, и дикий хохот завоевателей разносился над стальными волнами.

Далмира молила богов о смерти, не в силах смотреть на это. Она бы бросилась в волны, как это сделала одна из женщин, но за ней следили зорче, чем за кем бы то ни было. И ни один разбойник ни разу не ударил ее. Днем она сидела на палубе вместе с пленными, а ночью приходил предводитель и уводил в свою комнату. Но лучше бы ее били, чем нести этот позор! Далмира знала, что красива, все парни в селении засматривались на нее, а девушки завидовали, но сейчас она ненавидела себя, свое лицо, тело и длинные волосы цвета огня. Зачем боги одарили ее? Для этого жестокого хелмара? Быть рабыней всю жизнь, рожать детей, которые станут такими же убийцами? Лучше умереть...

Этой ночью звезд не было. Сильный ветер нагонял огромные волны, и корабль с трудом переползал через них, то проваливаясь до морского дна, то взлетая к ревущему небу. Палубу захлестывала вода, люди скользили и падали, катясь и ударяясь о снасти. Предводитель что-то приказывал, воины исполняли. Пленных загнали в трюм и заперли. Они слышали лишь жуткий свист ветра и крики хелмаров. Корпус корабля трещал и гнулся под ударами волн, дети кричали от ужаса, всем казалось, что они проваливаются в бездну.

Сверху раздался страшный крик, даже не крик, а рев, похожий на стон погибающего под ножом зверя. Далмира схватилась за бочку и замерла. В этот миг обшивка корабля треснула, и волны ринулись внутрь. Пенящийся поток кружил отчаянно барахтавшихся людей, цеплявшихся за что попало. Вода быстро заполняла трюм, и Далмира поняла: боги услышали ее мольбу.

Стоя по горло в холодной воде, она думала об отце и о том, что скоро она встретится с ним на небе, но страх смерти мешал мыслям, скручивая их в жуткий, обнажающий нервы комок. Тело хотело жить, оно рвалось наверх, прокладывая дорогу среди цеплявшихся друг за друга людей, мозг равнодушно отмечал застывшие глаза захлебнувшегося ребенка, а рот жадно глотал последний, уходящий сквозь щели воздух. Дыра! Надо плыть туда, навстречу водяному потоку, ослабевавшему с каждым мгновением. Далмира в последний раз вздохнула и, оттолкнув вцепившуюся в нее женщину, нырнула в черное отверстие.

Где верх, где низ? Черное пенящееся море болтало и вертело ею. Бездна играла Далмирой, пугая и сводя с ума. Она умела плавать, но куда плыть? Тяжесть в груди становилась все нестерпимей, тошнота выворачивала наизнанку, и девушка открыла рот.

Соленая вода хлынула в горло, но тут же девушка оказалась на поверхности. Глаза увидели облака и волны, закрывавшие их. Далмира закашлялась, колотя по воде руками. По затылку больно ударило, она повернула голову и увидела обломок мачты, наполовину погруженный в воду. Девушка схватилась за него и заметила хелмара, державшегося за дерево с другой стороны.

Очевидно, он был ранен, потому что держался слабо, и лишь зацепившаяся за мачту одежда не давала ему утонуть. Бородатый разбойник с разукрашенными синей татуировкой щеками молча глядел на Далмиру, но теперь она не боялась. Теперь она ничего не боялась. Три локтя дерева разделяли людей, и волны крутили их хрупкое убежище.

Небо прояснилось. Шторм уходил, и поверхность океана успокаивалась. Морские боги взяли свою дань, и не было им дела до двух спасшихся. Пусть живут.

Теперь она смогла оглядеться. Кроме них, на воде не осталось никого. Корабль исчез, будто его и не было. Не было хелмаров, смерти отца... Уцелевший разбойник что-то произнес. Голос его был слаб, и Далмира поняла, что долго он не протянет. Но она еще могла держаться! Руки болели, но еще могли грести, ноги тоже были целы. Только бы увидеть землю!

И она увидела! Гряда черных скал поднималась из воды совсем близко, и течение несло бревно прямо к ним. Приближаясь к берегу, Далмира увидела островки дубрав и заросшие

травой холмы. Ей было все равно, остров это или огромная земля, о которой ей рассказывал отец. Она просто хотела на землю, хотела лежать, чувствуя под спиной надежную твердь. Радость была так велика, что девушка окликнула державшегося за другой конец мачты хелмара, указывая на землю, но он не ответил, бессильно раскинув руки в воде.

Ее несло по волнам еще долго, но вот она почувяла под ногами твердь и, оттолкнув бревно с мертвецом, побрела к берегу. Выйдя на сушу, Далмира обессиленно рухнула на песок, и разметавшее последнее облака солнце коснулось ее кожи.

Она немного согрелась и почувствовала голод. «Как глупо спастись из бездны и умереть от голода», – подумала она, поднимаясь с песка. Но что здесь можно съесть? На Оргнеде люди охотно лакомились морскими червями, любившими погреться в теплой прибрежной воде. Поймать их было нелегко, но во время шторма море иногда выбрасывало их на берег. Правда, у Далмиры не было огня, чтобы зажарить червя, но можно съесть и сырого...

Она пошла вдоль берега, вглядываясь в ленивые волны. Ничего съедобного. И впереди на песке увидела черный бугор. Далмира приблизилась. То был мертвый хелмар, вместе с бревном выброшенный на берег. Девушка смотрела на безвольно раскинувшееся тело и вдруг поняла, что нужно сделать. С трудом она отцепила труп от дерева и оттащила на сухой песок. Превозмогая отвращение и стараясь не смотреть на мертвенно-белое лицо утопленника, Далмира сняла с хелмара пояс с двумя изогнутыми ножами, куртку из мохнатой шкуры, кожаные штаны и сапоги. «Здесь прохладно, а ночью станет еще холодней, – думала она, растягивая снятые с разбойника вещи на песке. – До заката еще есть время, и одежда успеет высохнуть». Потом она подумала, что не сможет надеть вещи, снятые с мертвеца, и едва не заплакала от бессилия, но затем решила, что, если их постирать, то можно и надеть. Далмира поволокла вещи обратно к воде и долго полоскала, скоблила ножами и оттирала песком. Совершенно выбившись из сил, она положила их сушиться и легла рядом.

Очень хотелось пить. Чтобы найти пригодную для питья воду, придется идти вглубь суши, но сейчас она слишком слаба для этого. Далмира ждала, пока солнце не высушит разложенную на песке одежду, а затем примерила ее на себя. Как и ожидала, штаны были велики, куртка тоже. Но это лучше, чем мерзнуть от холода. На землю спускалась ночь. Далмира пошла к видневшимся вдали кустам, нашла неглубокую ложбину и улеглась там, сжимая в ладонях ножи...

Она проснулась внезапно. Ножей в руках не было, и страх перехватил горло, беззвучно надвигаясь из-за черных стволов. Далмира вскочила, прижавшись спиной к дереву. Она определенно слышала крик. Или стон. Она что-то слышала! Время шло томительно медленно. Но вот из-за деревьев показалась знакомая фигура.

Шенн бросил под ноги убитого зверя и что-то сказал. Далмира не поняла.

– Это ты кричал? – спросила она.

Дикарь тоже не понял и развел руками.

– Как ты убил его? – Далмира опустилась на колени рядом со зверьком. Он был упитанным, со смешным голым хвостом, длинным носом и острыми шипами на спине.

Шенн улыбнулся и показал заколку, прочным стеблем травы примотанную к сучковатой палке. Получился дротик.

– Я поняла, – сказала она. – Но как мы станем есть его, у нас ведь нет огня?

Она провела руками от земли вверх-вниз, без остановки шевеля пальцами:

– Огонь! Нужен огонь!

– Огонь! – отчетливо повторил дикарь. Он радостно закивал, показывая, что понял.

– А еще бы найти ручей, – грустно проронила Далмира, проведя рукой по слипшимся от грязи волосам.

– Шенн иди, Далмира иди, – сказал юноша, глядя на нее. Одной рукой Шенн указывал рукой куда-то, другой приглашал за собой. Чего он хочет? Куда иди? – Убить! – сказал он, характерным движением проведя по горлу, и показал себе под ноги. Далмира догадалась. Здесь оставаться опасно. Поэтому надо иди. Она кивнула. Дикарь поднял с земли тушку зверя и двинулся вперед. Далмира пошла следом.

Лес постепенно менялся. Деревья уже не стояли так тесно, и лучи солнца проникали под кроны, сверкающими столбами падая на широкие листья растений и покрытые причудливыми наростами стволы. И ноги не тонули во влажном мху – его сменила трава, высокая, густая и мягкая. Но Шенна не радовали перемены. Он шел напряженно, часто останавливался и втягивал носом воздух. Далмира понимала, что ему, как и ей, не по себе в совершенно незнакомых местах. Здесь можно увидеть опасность издали, но точно так же кто-нибудь может легко обнаружить и тебя. В таком редколесье легко бегать, но трудно спрятаться.

Ей очень хотелось есть. Она не раз порывалась сказать об этом Шенну, но юноша двигался так целеустремленно, что девушка не решилась его отвлекать. Быть может, он выведет ее к реке или ручью? Наконец, Шенн остановился. Они оказались в глухой, заросшей кустами ложине, окруженной высокими деревьями с гладкой, будто голой, корой. На дне ложины бил крохотный ключ, и тонкий ручеек исчезал в густых зарослях.

Она благодарно взглянула на Шенна и присела перед ручьем. Ей пришлось лечь, чтобы дотянуться губами до холодной прозрачной струи. Далмира жадно пила, затем умылась и долго чистила волосы от грязи. Ручей был слишком мал, чтобы вымыться полностью, но даже так она почувствовала себя гораздо лучше. Оглянувшись, она увидела, как Шенн что-то делает, сосредоточенно склонившись над кучкой сухого мха. Она подошла ближе.

– Что ты делаешь?

– Огонь, – ответил Шенн, на мгновение подняв сосредоточенное лицо. Он быстро крутил меж ладоней небольшую палочку, вставленную в другую, похожую, но потолще. Вплотную к ней он положил кусочки мха и сухие веточки. Далмира с удивлением смотрела на его действия. Неужели так можно добыть огонь? У них на острове огонь добывали солнечными камнями: их били друг о друга, и вылетающие искры поджигали сухое дерево.

Из-под палочки заструился дымок, и запахло горелым. Неужели получится? Дикарь крутил палочку все быстрее, лоб взмок от пота. Далмира хотела предложить помощь, как вдруг мох вспыхнул, и Шенн мигом подкинул в огонь мелких веточек. У них есть огонь! Девушка направилась к кустам, чтобы наломать веток, но Шенн остановил ее властным жестом, приказывая остаться у огня. Наверно, он опасается за нее и не хочет, чтобы она ходила одна. Дикарь протянул заколку и указал на тушу животного: разделай. И снова ушел.

Далмира встала на колени, склонившись над тушей. Откуда начинать? На острове ей не приходилось заниматься подобным. Животных на Оргнеде было мало, их редко забивали, даже с домашних срезали лишь шерсть и рога. Она умела разделывать рыбу или морских гадов, но тут... Если бы у нее были те хелмарские ножи! Крошечным лезвием она с трудом прорезала толстую кожу зверя, и груды окровавленных внутренностей вывалились, едва не запачкав штаны. Далмира отшатнулась и, превозмогая отвращение, внушила себе, что это большая мохнатая рыбина. Когда Шенн вернулся с охоткой валежника, девушка успела отрезать «рыбе» задние ноги. Юноша удовлетворенно кивнул, выдернул из вороха две палки покрепче, заострил концы и, насадив на них мясо, уселся перед костром. Далмира отмывала руки от засохшей крови, пока манящий запах жаркого не заставил подойти ближе. Шенн протянул ей кусок:

– Ешь, – сказал он, и Далмира прекрасно его поняла.

– Ешь, – сказала она на своем наречии, и Шенн кивнул, повторяя слово. Затем их зубы дружно впились в покрытое румяной, сладко пахнувшей корочкой мясо, и странники надолго умолкли, жадно жуя и глотая.

Далмира давно так не пиновала. Мясо убитого Шенном зверя оказалось очень вкусным. С тех пор как она спаслась с корабля хелмаров и вошла в лес, приходилось есть все, что попадалось под руку: древесные грибы, ягоды, странные фрукты, от которых иногда болел живот. Однажды она нашла гнездо с яйцами птицы и выпила их одно за другим, потом убила маленькую ящерицу и проплакала целый день, потому что не могла заставить себя съесть ее сырой... Никогда она не наедалась так, как сегодня, и каждую ночь живот сводило от голода. Какая удача, что она с Шенном!

Насытившись, они улеглись возле костра и молча смотрели друг на друга.

– Хорошо! – улыбнулась она, приложив руку к туго набитому животу.

– Далмире хорошо, Шенну хорошо, – мигом откликнулся лесной житель. Всем своим видом он показывал готовность разговаривать, и Далмира согласно кивнула:

– Слушай, Шенн...

Глава четвертая

Река

Они стояли на краю кручи. Открывшаяся глазам панорама заставила замереть от непередаваемого ощущения чуда, страха и восторга. Лес за спинами резко обрывался, и далее, на сколько хватало взгляда, простиралась оранжевая равнина с раскиданными островками растительности. Но более всего путников поразила широкая, искрящаяся под солнцем лента, текущая под каменистым склоном. И для Далмиры, и для Шенна огромная водяная змея казалась настоящим чудом. В Лесу Шенна рек не было, лишь небольшие ручьи. Далмира видела море без конца и края, но рек не встречала никогда.

Путники стояли долго. Впервые в жизни Шенн вышел из леса и тут же почувствовал себя неуютно под огромным, бесконечным небом. Солнце было беспощадно жарким, его не сдерживали листья и кроны, а от обилия света и красок слезились глаза. Но главное, Шенн был открыт и незащищен! Любой зверь, любой хищник увидит или почувствует его издалека. На таком пространстве ни от кого не спрячешься! Любое дерево было для Шенна и домом, и укрытием, здесь все дышало угрозой и смертью. Вдалеке желто-оранжевые пустоши сливались с голубым куполом неба, и Шенн замер от испуганного восторга. Вот он, край земли! Он возбужденно вскинул руку, указывая на горизонт:

– Смотри! Там кончается земля! Я никогда не видел такого! А там вода! Сколько воды!

Далмира кивала и улыбалась. Не понимая слов, она видела восторг спутника и чувствовала почти то же самое. Великий и казавшийся нескончаемым лес закончился, и она была счастлива. Открывшийся глазу простор манил и будоражил ее не меньше, чем Шенна. Что там, за горизонтом, думала она, быть может, там есть города и живут люди? Отец рассказывал, что их предки приплыли на острова с огромной земли, такой же большой, как океан, не имеющей конца и края. Далмира видела океан и с трудом верила, что есть такая же огромная земля, но сейчас...

С тех пор многое изменилось. И она изменилась тоже. Отныне новый мир окружал ее, требуя подчинения своим неизвестным и неписаным законам. Законам, которых они не знают, и расплата за неведение может оказаться смертельной.

От красочного вида было никак не оторваться, и путешественники сделали привал тут же, на краю каменистого спуска. Не разжигая огня, они подкрепились остатками жареного мяса и долго сидели, глядя на щедро залитые солнцем пустоши. Что ждет их там? С высоты равнина выглядела безжизненной, но Шенн догадывался, что это далеко не так. Лес иногда кажется необитаемым и тихим, но он-то знает, какая жизнь и какая борьба за нее идет повсюду: в переплетении могучих корней, в дуплах и норах, в кустах и лощинах и даже на кронах огромных деревьев. Любая тварь старается выжить, спастись от более сильного, сожрать того, кто слабее. «То же предстоит и нам», – подумал он.

– Идем? – поднимаясь, сказала Далмира и кивнула в сторону равнины.

Шенн понял ее, сел и завернул оставшееся мясо в два больших мягких листа, сорванных в лесу. Прошлой ночью из шкуры убитого зверя он сделал подобие заплечного мешка с одной лямкой и положил туда еду. Он выскабливал и отмывал шкуру в ручье, но все равно не смог выделывать так, как делали женщины его рода. Мешок получился жестким и вонючим, ну и пусть. Все лучше, чем нести припасы в руках. Еще Шенн вырезал две увесистые и прочные палки, для себя и Далмиры. Концы палок он тщательно заострил, получилось пусть слабое, но все же оружие. Жаль, что кости короеда слишком хрупкие, Шенн мог бы изготовить из них наконечники для копья или дротиков.

Прежде чем двинуться, Шенн обернулся к лесу и склонил перед ним голову:

– Духи Леса, – произнес он, – я всегда приносил вам жертвы и отдавал лучшее, что имел. Спасибо, что хранили меня от врагов и давали пищу. Теперь я ухожу. Я знаю: ваша власть там, где есть деревья, но если можете, помогайте мне и дальше. Обещаю, что отблагодарю вас за все!

Далмира с удивлением слушала эту речь, понимая, что слова не предназначены ей, а кому-то в этом жутком лесу. Быть может, он прощается с родственниками или духами предков? Вид у Шенна был торжественный и несколько растерянный. Девушка догадывалась, почему.

Они начали спускаться, стараясь не поскользнуться на гладких скалах и каменных россыпях. Дорогу выбирал Шенн, внимательно высматривая удобный для прохода склон. Наконец, путники зашагали, уже не опасаясь падения. Круча стала более пологой, среди камней явились кусты и небольшие деревца, а сияющая лента приблизилась еще больше. Легкий ветерок принес необычный и новый для Шенна запах. Запах большой воды.

Россыпи скал и камней остались позади, и путешественники подошли к реке. Если даже вид с горы настолько впечатлил Шенна, то сейчас он просто раскрыл рот и опустил на колени перед великой водой, замороженно набирая ее в ладони.

«Видел бы ты океан!» – с улыбкой подумала Далмира, глядя на спутника, без конца зачерпывающего и сливавшего с ладоней воду. Шенн оглянулся на нее и с восторженной улыбкой указал на широкую гладь, раскинувшуюся пред ними.

– Вода! – сказал он.

– Вода, – согласилась Далмира. – Много воды – река!

– Река! – повторил Шенн. – Много воды! Река-а-а!!

Берег был пологим и песчаным. Река поворачивала в сторону заката, и несколько белокрылых птиц парили над водой. Неподалеку рос кустарник, склоняясь к самой воде, далее над берегом вновь нависали скалы. Далмира посмотрела наверх: отсюда невозможно разглядеть тропинку, по которой они спустились. Со стороны кажется: круча совершенно неприступна. Интересно, Шенн запомнил дорогу назад? «Если что-то случится, можно бежать той же дорогой», – подумала она. Но сейчас на душе было спокойно. Тишина и тихий шелест воды успокаивали. «Кажется, здесь безопасно. У нас есть мясо и вода, разведем огонь», – подумала Далмира. Она взглядела в противоположный берег. В отличие от этого, тот был пологим, покрытым оранжево-желтым песком и мелкой растительностью. Пожалуй, она сможет переплыть на другую сторону, но умеет ли плавать Шенн? Глядя на восторженно шлепавшего босыми ногами по воде дикаря, девушка решила, что вряд ли. Раз он впервые видит столько воды, где он мог научиться плавать?

Хорошо бы вымыться! За время путешествия по лесу она чувствовала себя ужасно грязной. И если лицо и голову удавалось помыть в ручьях, то остальное тело зудело и чесалось от пота и грязи. Далмира оставила восторженного спутника у реки и двинулась в сторону кустарника. Там как раз укромное место. И помыться, и одежду развесить. Быстро раздевшись, она сложила одежду на берегу, захватив с собой лишь рубашку, чтобы сразу ее постирать. Вода не особо теплая, но выбирать не приходится. Далмира вспомнила шторм и холодную морскую воду, в которой ей пришлось пробыть довольно долго, и пришла к выводу, что здесь не так уж и плохо. Дно песчаное, с редкими, щекочущими ноги водорослями. Река оказалась глубокой, Далмира зашла в воду по грудь, едва отойдя от берега. Она мылась и плескалась с таким удовольствием, что внезапно поймала себя на радостном смехе. Она смеялась! Как же давно она не смеялась!

Выстирав рубашку, Далмира пошла к берегу и увидела Шенна, с удивлением наблюдавшего за ней. Смутившись, Далмира попыталась надеть на себя мокрую рубашку, но влажная материя слипалась, не желая налезать на такое же мокрое тело.

– Отойди! – сказала она Шенну. Он стоял на берегу, опершись на палку, и бесцеремонно разглядывал девушку. – Иди туда! Уйди! – И она махнула рукой в сторону берега.

– Уйди! – радостно повторил дикарь, повторив ее движение. Вот дубина!

Кое-как она напялила рубашку и вышла из воды. Мокрая ткань облепила тело, и Далмире стало холодно. Хорошо бы выжать рубашку, но Шенн стоит и смотрит! Как же заставить его уйти, если он ничего не понимает? Она вспомнила, как в лесу он справлял нужду, совершенно ее не стесняясь, и тогда это шокировало девушку. Наверно, у лесных жителей принято не стесняться друг друга? Так это или нет, но она не привыкла раздеваться перед глазеющим мужчиной.

Прикрываясь руками, она вышла на берег и, подхватив одежду, зашла в кусты. Жесткие ветви царапали голые руки и ноги, но Далмира упрямо продиралась вперед. Шенн что-то сказал, провожая ее недоуменным взглядом. Конечно, дикарь, тебе этого не понять! Только бы найти подходящую полянку...

Из-под ног раздалось зловещее шипение, и Далмира, позабыв про стыд, выскочила обратно на берег. Какой-то зверь шевельнул ветви кустарника и еще долго шипел и урчал вослед. Что за невезение! Далмира подошла к Шенну и, подталкивая его руками, указала на место стоянки:

– Иди! Иди туда! Иди же, дурак безмозглый!

Шенн упирался, но не слишком сильно и что-то говорил, указывая на кусты. Она поняла, что он беспокоится о ней, но сейчас не испытывала никакой благодарности. Только бы он ушел!

Наконец дикарь повернулся и пошел к оставленным на берегу припасам. Воспользовавшись моментом, Далмира споро сняла рубашку, выжала ее и вновь надела, едва не стуча зубами от холода. Солнце клонилось к закату, уже не грея, как прежде. Затем девушка прополоскала штаны и куртку, выжала их и только потом вернулась к стоянке.

Шенн уже развел огонь и подогревал остатки мяса. Далмира села поближе к огню и улыбнулась Шенну, чтобы он не обижался. Ей стало стыдно за то, что она так грубо вытолкала его. Он молча подал ей мясо. Когда поели, Шенн жестами дал понять, что необходимо собрать немного хвороста для постели. И в самом деле, не спать же на песке и камнях? Далмира сразу вспомнила первую ночь после кораблекрушения. Тогда она просто не могла заснуть от пронизывавшего ветра и холода. Сейчас у них есть костер, но он рано или поздно погаснет, а возле воды всегда холоднее. Вместе они отправились к кустам, наломали веток с широкими пушистыми листьями и соорудили неплохую постель. Девушка опустилась на ложе и подумала о том, что, наверно, им придется спать по очереди. Вдруг здесь опасные звери? В лесу она полагалась на Шенна, засыпая, она всегда видела его настороже и даже не задумывалась, спал ли он вообще...

Между тем Шенн достал небольшой мешочек и высыпал на ладонь горстку серой пыли. Далмира с интересом следила за ним. Юноша что-то сказал, прижимая одну руку к груди, а затем обошел место стоянки, рассыпая эту странную пыль. После чего опустился на лежанку и, похоже, собрался спать. Поглядев на сидевшую девушку, он указал ей на место рядом с собой. Далмира посмотрела на него, намереваясь сказать о дозоре по очереди, затем поняла, что Шенн все равно ее не поймет и разговор станет пустой тратой времени. Наверно, им нечего здесь бояться. Она успокоила себя тем, что дикарь лучше нее чувствует опасность, и если спокойно ложится спать, значит, и она может. Далмира закуталась в куртку хелмара и легла рядом с Шенном, повернувшись к нему спиной. Шенн мирно лежал и спал, дыхание юноши было спокойным и ровным. «Он славный, – вдруг подумала Далмира, – дикий – но славный. Он друг, который не бросит, и это все, что ей сейчас нужно. Вот только пахнет как-то... Надо бы сказать ему, чтобы вымылся в реке, да только как? А если они в своем лесу вообще не моются?»

Мысли ее смешались в какой-то водоворот. Она вспоминала свою жизнь, отца, друзей и знакомых, хелмаров, страшный лес и кораблекрушение. Устав от воспоминаний, Далмира посмотрела на мерцавшие над головой звезды. Как странно! Столько всего случилось, а они все так же светят в ночи, и будут светить, когда ее не станет... Огромная красная луна показалась из-за облака, окрашивая верхушки волн багровым. В такие ночи на ее острове старались не выходить из домов, и тем более в море, чтобы не попасть в лапы морских демонов. В такое время демоны выходят из воды и греются в лунном свете. И тому, кто посмеет их потревожить, будет несдобровать. Но здесь, наверно, их нет, это река, а не море...

Далмира проснулась от толчка и испуганно вздрогнула. Шенн стоял над ней и улыбался:

– Солнце! – сказал он, указав наверх.

Девушка потянулась и ощутила, как вдруг стало тепло. Поднявшись уже довольно высоко, солнце нагрело ее куртку и сапоги. Далмира поднялась и подошла к воде. Ее отражение было растрепанным и косматым. Как жаль, что нет зеркала! Она оглянулась на Шенна. Он смотрел на девушку и улыбался. Потом подошел и взял в руки ее волосы.

– Они очень красивые, – сказал он. – И ты очень красивая.

Далмира не поняла.

– Если бы у меня был гребень, – огорченно произнесла она.

Он выпустил прядь из рук. Далмира умылась и, как могла, пригладила волосы. Шенн протянул ей маленький кожаный ремешок и что-то сказал, указав на волосы.

– Спасибо. Наверно, так будет лучше, – Далмира связала рыжие локоны в одну прядь и заплела кончик ремешком. – Пусть будет так. – И она улыбнулась ему.

Без лишних слов они собрались и двинулись вдоль реки. Направление выбирать не пришлось: с одной стороны берег был слишком крут и неприступен, пришлось бы лезть в гору, так что отправились в сторону кустов, за которыми купалась Далмира. Шли вдоль берега, внимательно оглядывая заросли: в них мог притаиться какой-нибудь хищник. Шенн часто останавливался, шумно втягивая носом воздух, и Далмире казалось, что дикарь больше полагается на нюх, чем на глаза. Впрочем, она привыкла к этому и уже не удивлялась.

Они прошагали довольно долго и, наконец, уперлись в каменистую россыпь, совершенно преградившую им путь. Большие, некоторые величиной с человека, валуны лежали на берегу и верхушки их виднелись над бурлящей водой. Здесь река уже не напоминала себя прежнюю. словно разозленная неожиданной преградой, она шумела и бурлила, пытаясь своротить огромные камни. Здесь даже Далмира поостереглась бы входить в воду, про Шенна и говорить не приходилось. А лезть вверх еще опасней: падение с такой кручи будет смертельным. Крутой, обрывистый берег вздымался над их головами на высоту огромного дерева. Далмира посмотрела на спутника и увидела, что тот помрачнел. Пути дальше не было, если только не вернуться к ночной стоянке и снова не забраться наверх, попытавшись пройти над обрывом. Но смогут ли они потом спуститься?

Путники медленно побрели назад. Далмира подумала, что теперь остается один путь: через реку. Но, скорей всего, Шенн не умеет плавать. Что же делать? Еды у них уже не осталось, и никаких следов людей путешественники не замечали. Да есть ли здесь вообще люди? Быть может, эта огромная земля безлюдна и пуста, и им суждено провести всю жизнь здесь, в этих бескрайних равнинах? Отец рассказывал Далмире, что их предки приплыли на острова, спасаясь от какой-то опасности, но что это была за напасть, не сказал...

Очень хотелось есть, и Далмира решила поймать рыбу. На ее острове все дети любили и умели ловить морских тварей, и она не была исключением. Правда, перед ними не море, а река, но и в реке должна быть хоть какая-то рыба.

Она сняла сапоги и жестами показала Шенну, что ему следует остаться на берегу.

– Сиди здесь. И дай мне нож. Нож!

– Нож, – понял Шенн и подал ей металлическую заколку.

Девушка расплела косу и привязала ремешок к узорному отверстию на заколке, а другой конец – к запястью.

– Жди меня здесь, – повторила она и решительно вошла в реку, стараясь держаться ближе к зарослям, подступавшим прямо к воде. В таких местах любят селиться большие неповоротливые рыбины. Они высовывают головы из-под корней, глотая зазевавшуюся мелкую рыбешку. Наживкой должна стать ее заколка, маленькая и блестящая, ну, а дальше...

Она нырнула и открыла глаза. Вода чистая, и солнечные блики играют на песчаном дне. Далмира поплыла под водой, стараясь заметить хоть какое-то движение. Им очень нужна еда, а ей – добыча, ведь все это время Шенн кормил ее, и девушка не желала быть никчемной обузой.

Она вынырнула и увидела, как дикарь забрался в воду почти по пояс и с неприкрытым страхом смотрит в ее сторону. Далмира махнула рукой:

– Все хорошо! Не заходи в воду! Иди назад!

Но Шенн не слушал. Он выкрикивал ее имя и двигался прямо к ней, погружаясь все глубже. Куда он идет, здесь на дне такие ямы! Неожиданно парень потерял равновесие и с головой погрузился в воду. Далмира вскрикнула и поплыла к нему. Шенн вынырнул и закричал, барахтаясь на плаву. «Дурак, куда же ты полез», – думала девушка, быстро приближаясь. Вдруг он ушел под воду, и Далмира нырнула вслед за ним. Схватив парня за волосы и одежду, она потащила его к берегу.

Шатаясь под ношей, она вынесла утопающего на берег и, повернув его голову набок, несколько раз надавила на грудь. Из рта Шенна полилась вода, он судорожно вздохнул и закашлялся.

– Дурак! Я же говорила тебе: оставайся на берегу! – Далмира раздраженно взмахнула руками, только сейчас сообразив, что из-за него потеряла свою рыболовную снасть. Вот проклятье! Ни рыбы, ни ножа! Надо быстрее найти хотя бы нож. Уже не опасаясь, что он бросится за ней, Далмира вновь вошла в воду и нырнула. Нырять пришлось несколько раз, но все же нож она обнаружила благодаря черному ремешку, хорошо заметному на желтом песчаном дне. Выныривая, она каждый раз косилась на Шенна, но теперь он сидел смирно, уже не пытаясь следовать за ней.

Стайки мелких рыбешек проплывали мимо, но ловить их было делом бессмысленным. Слишком маленькие и слишком юркие. Неужели здесь нет подходящей рыбы? Далмира устала, воздуха хватало все меньше и меньше, но вдруг среди водорослей она увидела длинную пеструю рыбу, похожую на морскую змею. Змеи были опасны, в их зубах таился смертельный яд. Тем не менее, зная определенные правила, даже дети на ее острове ловили их.

Далмира вынырнула, глотнула воздух и вновь ушла на глубину. Зависнув над водорослями, она стала медленно опускаться вниз. Рыба была длинной и пятнистой, неплохо сливаясь с дном. Она караулила добычу, не подозревая, что сама станет ею. Далмира резко схватила ее за голову, запуская пальцы под жабры. Рыба забилась, пытаясь уйти в водоросли. Она была сильна, но не сильнее девушки, вцепившейся в нее мертвой хваткой. Отчаянная схватка затянулась, но Далмире уже не хватало воздуха. Тут она вспомнила о ноже-заколке и вонзила ее в глаз добыче, а затем и в брюхо. Вода окрасилась кровью, рыба ослабела и позволила вытащить себя на поверхность.

Захлебываясь, Далмира вынырнула на поверхность и поплыла к берегу, загребая одной рукой. Совершенно обессиленная, она вытащила добычу и бросила на песок перед изумленным Шенном:

– Вот тебе рыба. Мы зажарим ее и съедим, – и она упала на песок, тяжело дыша. – Разведи огонь!

– Шенн делает огонь, – кивнул парень и отправился колдовать со своими палочками.

Далмира отдохнула, затем, уже не прячась от Шенна, скорчившегося над занимавшимся костром, сняла рубашку и выжала ее. «Хорошо, что вода здесь гораздо теплее, чем в море, – подумала она, – но почему он не занимается рыбой?»

Дикарь развел костер, но к рыбе не притрагивался, смотря на нее с каким-то омерзением. Далмира поняла: он никогда не ел рыбу! Что ж, придется все делать самой. И ловить, и готовить.

Она не стала чистить рыбу, а, подождав, пока костер прогорит, положила ее в тлеющие угли. Если бы достать глины, можно обмазать ей рыбу и запечь, но... так тоже неплохо. Лучше, чем ничего. Шенн с интересом принимался и что-то говорил, указывая на присыпанную углями рыбку. Далмира улыбнулась:

– Не бойся, Шенн, она вкусная. Скоро рыба будет готова, и мы поедем. Ры-ба! Это называется рыба!

– Ры-ба, – повторил Шенн. «Как это можно есть?» – подумал он, однако запах запекшейся речной гадины был гораздо привлекательнее запаха сырой, в животе урчало от голода, и он решил попробовать жареную речную тварь. Вот только с чего начинать? У животных вкусные ноги или шея, но у этой «ры-бы» нет ног, да и шеи тоже. Одна голова и покрытое блестящей чешуей туловище. Он тайком отщипнул одну чешуйку и отправил в рот. Жестко и невкусно. Может, когда поджарится, станет лучше? Если Далмира так хорошо плавает в воде и даже поймала такое чудовище без рук и ног, то, наверно, знает, как его есть...

Решив, что рыба готова, Далмира извлекла ее веточкой из костра и положила на плоский камень. Ножом она разделила рыбку вдоль хребта и протянула половину Шенну:

– Ешь.

Он осторожно принял еду в руки и замер, наблюдая за Далмирой. Девушка ободрала чешую и впилась зубами в белое мясо, проглотила кусок и довольно облизнулась. Шенн последовал ее примеру. Скользящая речная тварь оказалась не такой уж противной на вкус. Мясо ее было пресным и непривычно мягким, не таким, как упругое мясо животных, к которому привык Шенн. Кости рыбы были мелкими и колючими. Шенн проколол губу и едва ими не подавился. «А, в общем, неплохая еда, – решил он, – вот только ловить этих рыб я вряд ли научусь...»

По обыкновению, после еды они занялись словами. Одновременно Далмира решила убедить Шенна переправиться на другой берег. Словами и жестами она добилась, чтобы он понял: им нужен другой берег, но во взгляде юноши увидела страх и недоверие. «Он просто утонет, – подумала Далмира, – нам нужен плот или хотя бы одно большое дерево!» Шенн мог бы держаться за него, и они пересекли бы реку. Но, бродя по берегу, она не видела упавших деревьев, а срубить дерево было нечем.

«Быть может, я смогу научить его плавать, – подумала Далмира. – Он ловкий и сильный, неужели не сможет?» Она кинула взгляд на противоположный берег. Далеко. Так далеко, что будь у нее праща, она вряд ли добросит туда камень.

– Нам нужно дерево, Шенн. Дерево, – объяснила девушка. – Дерево надо положить в воду, и тогда ты сможешь переплыть туда!

– Дерево? – спросил Шенн. – В воду?

– Да, Шенн. Дерево надо положить в воду.

Далмира подняла с песка их заостренные палки и пошла к воде, жестом позвав за собой парня. Шенн стал рядом, наблюдая, как девушка кладет палки на воду. Палки не утонули, а плавали на поверхности. Далмира указала на палки и на другой берег. Палки не тонут, догадался Шенн, значит, уцепившись за них, можно перебраться через реку!

– Я понял! – довольно кивнул он. – Мы можем это сделать прямо сейчас!

Он схватился за палки, радостно затряс ими перед Далмирой и бодрым шагом двинулся на глубину. Девушка бросилась следом и ухватила безумца за одежду:

– Куда ты идешь? Эти палки не удержат тебя!

Шенн не понимал. Тогда она толкнула его в воду. Шенн попытался опереться на копыя, но они предательски тонули. Расстроенный и мокрый, он вышел обратно на берег.

– Нужно большое дерево, понимаешь? Большое!

Слово «большое» Шенн понимал. Чтобы удержать в воде большого Шенна, нужно большое дерево, догадался он. Но где его взять? Он осмотрелся: деревца и кусты на берегу были совсем небольшими. Некоторые втрое толще, чем их палки, но как их срубить, чем? Маленький нож, пусть даже крепкий и острый, для этой цели не годился. Шенн попытался выдернуть кусты руками, но сил явно не хватало.

Близился вечер, и Далмира поняла, что сегодня они точно останутся здесь. Хорошо, если не навечно! И вдруг ее осенило: а если наломать побольше прутьев и накрепко связать их? Получится что-то вроде плота! Она подозвала Шенна и повела его в заросли. Отломав несколько прутьев, она сложила их вместе и обмотала кожаным ремнем:

– Ты понимаешь? Мы сделаем плот! Собирай ветки. Дерево, ветки, – повторила Далмира, показывая на отломанные прутья.

Они трудились до сумерек, собрав огромный ворох валежника и веток. Используя нож, они подрезали крупные сучья, повиснув на них, обламывали и кидали в кучу. Здесь же решили заночевать. Как и в тот раз, Шенн вновь обошел место ночлега, посыпая вокруг странным порошком. Измученные работой, они быстро уснули.

Утром завтракать было нечем, и девушка вдоволь напилась воды, заглушая требующий пищи желудок. Затем Далмира без сожаления распорол хелмарскую куртку, разрезав ее на полоски, затем то же проделала с мешком Шенна. Юноша не возражал, внимательно наблюдая за приготовлениями. Девушка связала ремни между собой, получив две небольших кожаных веревки. Оставалось связать ими прутья.

– Держи, – велела она, жестом показав Шенну взять ветки в охапку.

Он понял и с трудом приподнял сложенную кучу. Далмира принялась обвязывать их, затягивая веревку изо всех сил, ведь от этого зависела жизнь Шенна. Связав одну сторону, она устала и обессиленно уселась на песок. Шенн понял, что она делала, и перехватил инициативу. Положив вязанку на песок, он так же, как она, протянул веревку под ветвями и накрепко затянул.

– Правильно! – с улыбкой сказала она. – Ты умный, Шенн. Молодец. Теперь отдохнем.

Он кивнул. Далмира посмотрела на него, отмечая, что все же он по-своему красив, особенно, не будь на щеке уродливого шрама. Шенн не был похож на парней из ее селения, по-иному двигался и одевался. Дикарь во многом был чужд и непонятен девушке, но с ним Далмира чувствовала себя под защитой, она верила Шенну, зная, что он не оставит в беде...

Переправляться решили в полдень, чтобы до ночи успеть высушить вещи. Вода была не такой уж холодной, солнце светило ярко, и все же Далмира волновалась. Несмотря на меры предосторожности и связанный собственными руками плот, она беспокоилась за Шенна. «Когда-нибудь я обязательно научу его плавать, – подумала она, – а сейчас надо только добраться до другого берега!» Издалека они заметили каких-то животных, четвероногих, небольших, но очень быстрых. Стайки этих тварей время от времени появлялись на противоположном берегу, спускались к реке и пили воду, а потом так же стремительно исчезали. Далмире они не показались опасными, а значит, если удастся подкараулить и убить такое существо, у них будет достаточно мяса, чтобы не умереть от голода.

Шенн храбрился изо всех сил. Вид широкой сине-серебристой ленты повергал его в ужас, но юноша не выказывал страха, с нарочитой небрежностью прогуливаясь вдоль кромки воды. Казалось, до другого берега совсем недалеко, он пробежал бы это расстояние очень быстро. Но двигаться по воде так, как это делала Далмира... Это настоящая магия!

Всякая вещь, кроме дерева, неизбежно тонет в воде, это знают даже малыши его рода. И человек тоже! Но Далмира не только не тонула, она погружалась в глубину и выходила оттуда невредимой, хотя и заметно уставшей. Вот бы и ему овладеть этой магией! Но как Далмира научит Шенна, если он не знает языка, ведь наверняка она использует какие-то заклятья?

Когда девушка стала связывать ветви, Шенн снова поразился ее мудрости. Она решила обмануть воду! Две палки тонут и не могут удержать его над водой, а много – наверняка удержат! И без всякой магии! Связав плот, Шенн захотел тут же опробовать его, но Далмира удержала. Они немного отдохнули, а потом вместе опустили плот на воду.

Шенну было страшно, он прекрасно помнил, как вчера едва не пошел ко дну, и только Далмира спасла его. Но с ранних лет его приучали не выказывать страха ни перед кем, будь то зверь или человек. Боялись только Хозяина Леса, а когда Шенн своей рукой ранил его, получилось, что бояться вообще стало некого...

Далмира завела его на мелководье и знаками приказала взобраться на плот. Шенн попробовал сесть на вязанку верхом, но раз за разом оказывался в воде и поднимался, мокрый и смущенный. Далмира качала головой и смеялась, и он понял, что ни сесть, ни тем более встать на такой плот ни у кого не получится. Оставалось только лечь. Он осторожно лег на вязанку, сжимая зубы от близости сверкающей и спокойной, но такой опасной для него воды. Плот держал. Шенн покачивался на воде и не тонул! Обрадовавшись, Шенн сделал неосторожное движение и перевернулся. Хорошо, что вода здесь только по пояс! Далмира неодобрительно покачала головой и, подойдя к нему, провела ладонью по горлу:

– Надо быть очень осторожным, Шенн. Если упадешь с плота – утонешь! Очень осторожно!

– Очень осторожно, – повторил за ней Шенн, интуитивно понимая значение этих слов, а особенно характерного жеста, говорящего о смертельной опасности. Еще бы! Он и так понимал: перевернись он на середине – и Далмире не хватит сил вытащить его на берег. – Я еще попробую, – сказал он и вновь лег на плот. После нескольких попыток Шенн понял, что главное – равномерно распределить вес, чтобы ни одна из сторон плота не перевешивала. Успокаивало то, что даже если упадешь с плота в воду, можно остаться на плаву, ухватившись за связанные ветки. Правда, забраться обратно на плот вряд ли получится.

Стоя рядом, Далмира внимательно наблюдала за попытками дикаря удержаться на самодельном плоту. Он старался, и для первого раза получалось неплохо. Подойдя ближе, девушка взяла его руки и показала, как надо грести, чтобы двигаться в воде. Затем и сама окунулась, чтобы продемонстрировать работу руками.

Шенн все понял, но повторить оказалось не так просто. При малейшем движении плот раскачивался, грозя перевернуться. Он барахтался долго и порядком устал. Далмира заметила это и вытащила парня из воды:

– Хватит, тебе надо отдохнуть. Мы должны переплыть реку сегодня.

Они посидели на берегу, и Шенн заметил, как погрузилась девушка. Похоже, она сама не верит, что он сможет преодолеть эту реку. Но ведь они смогли выйти из Леса, обмануть старейшину Кирма и ранить самого Хозяина! Вспоминая об этом, Шенн наполнялся гордостью и отвагой. Если мы смогли это сделать, то почему не сможем победить реку?

Он положил Далмире руку на плечо и ободряюще улыбнулся:

– Я смогу! Я переберусь на тот берег, вот увидишь, или я – не Зверь!

Она, кажется, поняла и неожиданно крепко обняла его. Шенн почувствовал запах ее волос, и глаза девушки оказались снова у его лица, так близко, что можно было дотронуться до них губами... И тогда он понял, что они смогут. И, что бы ни случилось, Далмира не бросит его, как и он ее, потому что в этом мире они выживут только вдвоем...

Глава пятая

Движущийся город

По мере продвижения Шенн ощущал все большую уверенность в себе. Он контролировал плот и медленно, но верно приближался к противоположному берегу. В начале пути было легко, но затем, ближе к середине, течение, внезапно подхватившее плот, сильно напугало юношу. Река тащила куда-то, он чувствовал силу и мощь потока, ощущая себя ничтожной пушинкой, листом, уносимым ветром. Лишь присутствие Далмиры, плывущей рядом, не давало поддаться панике. Не обращая внимания на течение, она целеустремленно двигалась к берегу, и Шенн, сжав зубы, старался размеренно грести следом.

Им повезло: река делала поворот, и течение само собой приблизило их к вожделенной цели. Шенн различал листья на прибрежных кустах и, помня, какой грозной казалась река с оставленного ими берега, уже праздновал победу. Вот он, берег, в каких-то тридцати шагах! Он яростно заработал порядком уставшими руками, но вдруг потерял равновесие и оказался в воде!

Реакция не подвела – Шенн успел ухватиться за плот, но нескольких мгновений паники было достаточно, чтобы его отнесло от Далмиры. Когда девушка заметила его падение, Шенна унесло довольно далеко. Она слишком устала, чтобы его догонять. Далмира выбралась на сушу и, спотыкаясь от усталости, побежала вдоль берега:

– Гроби к берегу, Шенн, к берегу!

Он старался, загребая руками и ногами, он бился с этой рекой насмерть и вдруг почувствовал дно! Пошатываясь, он из последних сил рванулся к берегу, выпустил из рук плот и упал на прибрежный песок.

– Шенн, ты смог! – смеясь от радости, Далмира подбежала к нему и обняла, заглядывая в глаза. – Шенн, ты молодец! Я горжусь тобой, ты смог!

Радость от свершённого подвига прошла быстро, и вскоре мысли путешественников заняла только еда. Сил потеряно много, а есть нечего. Будь они в лесу, Шенн бы мигом отыскал, чем забить желудок. Съедобные коренья и травы, ягоды и плоды, грибы и насекомые, не говоря уже о животных – в Лесу можно есть все, а что можно есть тут, в этой странной сухой равнине? Как выжить?

Этой ночью они легли спать голодными. Шенн надеялся убить какое-нибудь животное, приходящее на водопой, но животные чуяли их и боялись или просто не спускались к реке в темноте. Ловить рыбу в темной воде было невозможно и, смирившись с голодом, Далмира подумала, что все равно следует благодарить богов за то, что Шенн не утонул, а завтра... Завтра они найдут какую-нибудь еду.

Утро они провели в засаде. Затаившись за кустами, Шенн и Далмира поджидали круторогих зверей, спускавшихся к водопою. Юноша сжимал в руке дротик, думая, что пугливые твари вряд ли дадут ему времени на второй бросок. Не шевелясь, он глазами примеривался к добыче, выбирая самого маленького. С большим животным им не совладать, кто знает, как они могут драться рогами? Пугливо дергая ушами, стая спустилась к воде. Животные пили, склонив грациозные шеи, и Шенн занес руку для броска. Пора! Приподнявшись на одно колено, юноша с силой метнул дротик, но в последний момент детеныша заслонил крапчатый бок взрослого зверя. Дротик вонзился в него, зверь вскрикнул и понесся прочь, а за ним – и вся стая. Шенн выскочил из укрытия и побежал следом. Круторогие уносились в степь, но острый взгляд охотника различил темные капли крови на рыжей траве. Зверь ранен, и силы скоро оставят его! Надо бежать за ними, бежать, пока хватит сил!

Далмира подхватила копье и побежала за Шенном. Юноша бежал размеренно и быстро, и девушка с трудом догнала его, но тут же стала отставать. Стая животных стремительно удалялась, их крапчатые крупы сливались с грязно-желтой травой.

– Быстрее! – подгонял ее Шенн. – Видишь кровь? Он скоро падет, и у нас будет еда!

Далмира не ответила, задыхаясь от быстрого бега. Она бежала с трудом, все чаще останавливаясь, и вырвавшийся намного вперед Шенн понял, что охота закончилась. Зверь слишком силен, если до сих пор не пал, или рана слишком легкая...

Они остановились и сели. Безжалостное солнце взобралось высоко и, казалось, жгло лучами прямо сквозь одежду. «Надо возвращаться к реке», — подумала Далмира.

– Идем назад, – сказала она. Шенн не понял. – Туда, к реке! – крикнула она. – К воде!

«Здесь слишком сухо и пустынно, – подумал Шенн, – вряд ли мы найдем здесь еду. Даже трава сухая и жесткая. Надо возвращаться».

Они повернули назад, но вдруг, за цепочкой видневшихся вдали холмов Шенн заметил черную движущуюся точку. Он остановился, чтобы рассмотреть получше, но точка пропала. «В конце концов, река не так уж далеко отсюда, – подумал он, – мы можем пойти туда и посмотреть...»

Он долго объяснял девушке свои мысли, показывая на холмы, но она качала головой, не соглашаясь углубляться в неприветливую и пустынную равнину. Шенн даже вспылил, намереваясь отправиться туда сам, а она пусть сидит и ждет его тут. Почувствовав, что спор подходит к опасной грани, Далмира уступила.

Путь до холмов они прошли молча. Это были огромные, покрытые редкой травой барханы. Сухой ветер проносился над ними, выстраивая миллионы песчинок в ступенчатые извилистые узоры. Шенн первым вскарабкался наверх, и Далмира услышала его призывный крик.

– Что случилось? – по колени утопая в песке, она не без труда взобралась на бархан и увидела такую же унылую степь, расстилавшуюся пред ними. И зачем он кричал? Далмира не сразу заметила извилистую полосу, выделявшуюся на оранжево-желтой равнине. И тоже удивленно вскрикнула:

– Это дорога, Шенн! Дорога! Бежим!

Они сбежали с холма и, приблизившись к дороге, изумленно замедлили шаг. Действительно, похоже на дорогу, но какую! По ширине она могла соперничать с рекой, через которую они перебрались! Ни трава, ни растения не росли на выжженной солнцем и утрамбованной до каменной твердости земле, являя разительный контраст с пустынной, но все же покрытой хоть какой-то растительностью равниной.

– Какая огромная тропа! – произнес Шенн. – Какие же звери по ней ходят? Нам лучше уйти отсюда, Далмира!

Он не понимал, чему она радуется. Люди не могли протоптать такую тропинку – зачем? Местность здесь ровная, встречавшиеся им холмы невысоки и редки. Можно свободно идти, куда захочешь, и тропинки не нужны. «Это тропа на водопой, – подумал Шенн, – вот только кто протоптал ее?» Вдруг он заметил что-то и, нагнувшись, оторвал от земли кусок засохшего помета. Он размял его пальцами, наметанным взглядом отметив кусочки непереваренной травы. Это уже лучше, выходит, огромные твари травоядные и вряд ли набросятся на них первыми...

– Смотри, Шенн! – громкий крик девушки прервал его размышления.

Шенн вскинул голову: огромная туча пыли надвигалась со стороны реки. Далмира всматривалась в нее, пытаясь понять, что это: пыльная буря или огромное стадо животных, бредущее куда-то? Если животные, может, на этот раз им повезет, и удастся убить хотя бы одно...

Шенн с тревогой разглядывал странное облако, затем повернулся к Далмире и указал в ту сторону:

– Идем за ними! Если это животные, то вряд ли хищники – они стадами не ходят. И помет у них другой. Идем, здесь мы просто умрем от голода.

Она кивнула. Шенн говорил на жуткой смеси своего языка и нескольких выученных слов, но она поняла. Надо рискнуть.

Они снова побежали. Животные двигались быстро и, к счастью, в их сторону. Решив срезать угол, Шенн и Далмира пробежали между холмов, и замерли от открывшейся глазам невероятной картины...

Огромное строение из светлого дерева, непохожее ни на что виденное Далмирой прежде, двигалось по пустыне, поднимая клубы пыли, и гул движущегося дома напомнил ей отзвук камнепада. Шенн никогда не видел домов, в Лесу никто ничего не строил ни из дерева, ни из камня, жили в шалашах, норах, на деревьях. И потому вид гигантского сооружения вызвал у него почти благоговейный ужас. Шенн принял дом за огромное чудовище и схватил Далмиру, пригибая к земле:

– Чудовище заметит нас!

– Да отпусти же ты! – вырывалась девушка. – Это люди! Пойми, Шенн, там – люди!

Она была поражена, как никогда в жизни! Далмира видела черные проемы окон в стенах движущегося города, видела гигантские вращающиеся колеса, но сейчас все удивление меркло перед единственной мыслью: там, внутри – люди! Люди!

С огромным трудом она заставила дикаря следовать за собой. Шенн двигался неохотно, всем своим видом выказывая желание немедленного бегства, и Далмире пришлось тащить его за руку:

– Иди же! Быстрее! Дикарь, ты что, домов никогда не видел? Ну, пусть огромный, на колесах, но все же это дом, Шенн, понимаешь, дом! И внутри люди! Они помогут нам.

Шенн видел, что Далмира хочет нагнать это жуткое чудовище. Зачем? Ему было страшно, но ведь было страшно и перед рекой, а он смог победить ее. И быть может, она видела такого зверя и знает, что он не опасен? После некоторых колебаний он позволил себя убедить и побежал рядом с девушкой. Бежать с холма, а затем по вытоптанной земле было нетрудно и даже приятно, ноги сами неслись вперед.

Они приблизились к чудовищу на расстояние броска дротика, и Шенн не поверил глазам. У чудовища не было лап, вместо них по земле катились огромные деревянные болванки. Они были действительно из дерева – Шенн различил характерные полосы распиленной древесины. Еще отчетливей стал слышен странный звук, какие-то размеренные удары, от которых сотрясалась земля. Шенн почувствовал эту дрожь даже через сандалии. Затем зверь зарычал, и Шенн в ужасе упал наземь.

– Вставай, что с тобой? – Далмира потянула его с земли. – Это трубил рог! Они заметили нас!

В боку зверя приоткрылось окошко. Оттуда высунулась голова, и зычный голос что-то прокричал, но циклопический город не останавливался, продолжая катиться дальше. Далмира не расслышала слов, но человек из окна указал рукой куда-то вниз. Он приглашал их внутрь! Девушка дернула Шенна, из последних сил таща за собою:

– Идем же! Они зовут нас! Быстрее, Шенн!

Шенн крепче сжал заостренную палку – свое единственное оружие, и подчинился спутнице. «Если она не боится, значит, знает, с чем имеет дело, – думал он, спеша за ней. – Не показывай страха, Шенн, не теряй лица, Зверь», – бормотал он, двигаясь вслед за девушкой. Путники с трудом догнали катящееся строение, и нависшие над головой высоченные борта сухопутного корабля невольно заставили Шенна втянуть голову в плечи.

В борту деревянного монстра откинулась дверь, и выглянувший наружу человек махнул рукой, снова что-то прокричав. Путники прибавили ходу, хотя и так бежали на пределе сил. Невероятных размеров колеса вращались рядом, одно неосторожное движение или падение – и циклопические жернова раздавят, как букашку.

Откинувшаяся дверь висела, подобно лестнице, и достаточно низко, чтобы бегущие смогли уцепиться за нее. Шенн подсадил Далмиру, затем вскарабкался сам. Ожидавший у проема человек впустил их внутрь и, потянув за веревку, поднял дверь и закрыл проем.

Сразу стало темно. Более привычный к полумраку леса Шенн сумел разглядеть, что они находятся в небольшой комнатке с большим проемом, ведущим куда-то внутрь гигантского дома. Нос юноши уловил множество незнакомых прежде запахов, а уши тотчас заложил странный, еще более ощутимый, чем снаружи, гул.

Человек, впустивший их, стоял неподвижно, бесцеремонно разглядывая пришельцев. Он совершенно их не боялся, и Шенн понимал, почему: на его запястье болталась внушительная дубинка с шипами, сделанными из того же материала, что и заколка Далмиры. Удар такой дубины с легкостью разобьет череп, как перезрелый орех. Встретивший их был невысок и пузат, длинные сальные волосы закрывали уши и спускались до плеч. Одет был в кожаную рубаху и широкие штаны из материи, державшиеся на красивом узорчатом поясе. Обитатель дома на колесах подошел к Шенну, взялся за его палку и попытался вырвать из рук. Шенн не отдавал.

– Отдай, Шенн! – Далмира демонстративно бросила свою палку в угол и помогла стражу отнять у юноши дротик. – Мы без оружия! Спасибо, что впустили нас! Вы понимаете меня?

Страж посмотрел на девушку и что-то проговорил. Далмира наморщила лоб. Она ничего не понимала. Отдельные слова казались ей знакомыми, но звучали по-иному, не так, как у нее на острове.

– Я ничего не понимаю, – растерянно сказала она. Какая досада: оказаться среди людей, но не понимать их! Далмира оказалась в том же положении, что и Шенн, теперь ей придется учить язык неизвестных наравне с ним.

Страж подошел, взял Далмиру за плечи и повернул, разглядывая со всех сторон. Измученная девушка позволила ему это и не отстранилась. Наверно, он ищет оружие. То же самое страж проделал и с Шенном. Оставшись довольным увиденным, он жестом пригласил их за собой. Озираясь, путешественники пошли за проводником.

За проемом располагался длинный коридор. Провожатый повернул налево. Деревянный пол под ногами заметно покачивался и, если Шенна это напрягало, то Далмира была спокойна. Похожая качка была на кораблях хелмаров. Вспомнив о морских разбойниках, девушка невольно вздрогнула: а вдруг и здесь их схватят и возьмут в рабство? Теперь поздно думать – они внутри странного города. Оставшись снаружи, они погибнут в бесплодной пустыне.

Мощный удар по стенке заставил Шенна сжаться и отпрыгнуть в сторону. Далмира едва не вскрикнула, но провожатый был совершенно спокоен и, оглянувшись на них, усмехнулся, показав крупные белые зубы. Они двинулись дальше. Узкая лестница повела наверх. Путники миновали один этаж, затем другой и, наконец, оказались в небольшой комнате. Далмира невольно улыбнулась, с радостью узнавая знакомые с детства вещи: тканый ковер на полу, кованые светильники и квадратный сундук в углу. Через узкое окно виднелась покачивавшаяся оранжевая равнина.

В комнате была еще одна дверь. Страж подошел к ней и тихо, вежливо постучал. Послышались шаги, дверь отворилась. Через порог переступил высокий, дородный человек в длинном просторном одеянии, подвязанном роскошным узорчатым поясом. Лицо его совершенно не походило на лица хелмаров или островитян: щекастое и продолговатое, оно

было тщательно выбрито, широкий нос грозно нависал над толстыми губами, а прямо под глазами виднелись синие, вытатуированные на коже, знаки.

«Глава дома, – подумала Далмира, – или кто-то очень важный». Шенн тоже сообразил, что перед ним, должно быть, старейшина и постарался держаться спокойно и независимо, ничем не выказывая сдавившего внутренности страха.

Человек и стражник перекинулись несколькими фразами. Далмира слушала, по-прежнему ничего не понимая. Старший обратился к ней, но она растерянно молчала. Затем он заговорил на другом языке со странным птичьим присвистом. Девушка молчала. Но третья фраза заставила ее радостно встрепенуться. Она понимала! Он спросил ее...

– Откуда вы?

– Я с острова Оргнед, меня зовут Далмира, – радостно затараторила девушка. – А это Шенн, он – лесной житель. Мы просим у вас убежища и... У вас есть какая-нибудь еда? Мы очень голодны!

– Мое имя Эторг. Это мой... дом. Я дам... еду. Ты... здесь, он – уйдет.

Он ужасно коверкал слова, произносил их не так, как надо, часть она вообще не понимала, но все равно это лучше, чем не понимать ничего! Хозяин движущегося дома хотел поговорить с ней, но почему стражник взял за руку Шенна? Куда он его тащит?

Эторг остановил рванувшуюся на помощь другу девушку:

– Не бойся. Ему дадут еду и... Я... говорить с тобой.

Эторг кивал и улыбался, да и стражник не выглядел злым. Почему она не может им верить? Разве они не подобрали их в этой пустыне? Далмира кивнула:

– Хорошо. Шенн, – сказала она юноше, указывая на стража, – иди с ним, он даст тебе еды. Я пока останусь здесь. Иди. Иди же!

Шенн неохотно подчинился. Страж с дубинкой повел юношу вниз. Они миновали просторную комнату с лежащими на полу кусками материи. Там находилось много людей, похожих на проводника, в основном, мужчин. Но были и женщины. Все они разглядывали его, а Шенн – их, поражаясь удивительной одежде и совершенно чуждым, непонятным лицам. Их кожа была темна, смуглее, чем у Шенна, на запястьях рук блестели странные кольца из твердого блестящего дерева, а под глазами виднелись вытатуированные знаки.

«Вот они, люди Снаружи, – думал Шенн, проходя мимо. – Видно, что они не людоеды, иначе бы давно набросились и разорвали меня! И они совсем не похожи на Далмиру! У этих женщин другие лица, совсем некрасивые, толстые носы, и волосы не красные, а глаза черные, как у зверей!»

Он проследовал за стражем и вышел из комнаты. Помещения следовали одно за другим, и прекрасно ориентировавшийся на природе Шенн уже не мог определить, где он оставил Далмиру, и это беспокоило дикаря. В конце концов, он решил, что Далмира никуда не денется, а если бы их хотели убить, то напали бы сразу. Наконец, проводник ввел его в крошечную каморку, почти доверху заваленную большими мешками. Шенн принюхался: пахло какими-то растениями. Провожатый указал на дощатый пол, и Шенн понял, что надо сесть. Подрагивавший пол неприятно бил по ягодицам, но что тут поделаешь? Страж куда-то ушел, но вернулся быстро и сунул Шенну плоский глиняный круг с загнутыми краями, на который с верхом навалили бурую дымящуюся массу, похожую на мелкие протертые зерна. Страж сунул в массу два пальца, зачерпнул и отправил в рот, показывая, что это можно есть. Шенн принюхался, желудок тут же отозвался голодным спазмом. Юноша ткнул пальцем в кашу и отдернул руку: внутри она была очень горячей. Страж засмеялся и что-то проговорил. Шенн щепотью зачерпнул немного странной еды и отправил в рот. Язык залепила непривычно сладкая, совсем не жирная, но все же вкусная масса. Шенн энергично пожевал и проглотил. Вкусно! Он сжал круг в одной руке, а другой принялся набивать рот и глотал, почти не жуя. Очень скоро от еды не осталось ни крошки, и Шенн с благодарностью посмотрел на стража:

– Спасибо тебе, человек Снаружи! Теперь я точно уверен, что вы не людоеды!

Он поднес руки к груди, благодаря за пищу. Стражник не понял ни слова, но довольное лицо Шенна и его жесты говорили красноречивей некуда. Человек усмехнулся и вышел из комнаты. Шенн остался один.

Эторг провел Далмиру в соседнюю комнату. Войдя внутрь, девушка замерла у порога. Такой роскоши она не видела нигде: все стены покрывала блестящая материя со сказочными узорами, ноги утопали в шкурах неведомых зверей удивительного белого цвета. Странно только, что в комнате нет ни столов, ни стульев. Видимо, обитатели города на колесах прекрасно обходятся без них. Несколько украшенных резьбой сундуков стоят в углах. Над одним из них на стене висит странная картина: желтые и зеленые пятна, черные извилистые линии пересекающие такие же синие... Художник, нарисовавший это, был явно не в своем уме!

– Возьми. – Далмира оглянулась. Эторг с улыбкой протягивал ей высокий серебряный бокал, отделанный красивыми прозрачно-красными камнями: – Пей.

Она сделала глоток. Напиток напоминал вино, которое она пробовала лишь однажды, на день совершеннолетия, но был густым и приторно-сладким. Далмире ужасно хотелось есть, но она стеснялась сказать об этом прямо. Хорошо, что после вина Эторг предложил мясное блюдо, щедро усыпанное нарубленными вареными стеблями какого-то растения. Вместо привычной ложки хозяин подал девушке два маленьких ножа: один с зазубринами по всему лезвию, другой очень острый. Далмира быстро разобралась, как управиться с этими приборами и быстро проглотила предложенный обед. «Наверно, и Шенну дали такое же блюдо, – подумала она. – Надо будет спросить, понравилось ли ему...»

Сладкое вино развеселило девушку. Она и не заметила, как Эторг оказался рядом, почти касаясь ее плечом. Он что-то говорил, а она смеялась оттого, что все же встретила человека, который понимает ее речь; оттого, что она, наконец, сыта и впервые чувствует себя в безопасности...

Она опьянела и от легкого толчка едва не упала. Эторг смеялся вместе с ней, подливая себе и Далмире вина. А потом внезапно схватил девушку, одним движением разорвав на ней рубашку. Далмира застыла от неожиданности, а хозяин дома впился губами в ее грудь и повалил на спину. И вместо слащавого, холеного Эторга Далмира увидела жуткое лицо предводителя хелмаров... Далмира закричала и попыталась освободиться. Но хозяин навалился на нее всем телом, не давая пошевелиться. Волосатые руки хватили за грудь и шарили по телу, как и тогда, на корабле...

Застонав от усилия, Далмира извернулась и столкнула с себя Эторга. Хозяин дома бросился к ней, но девушка успела схватить и выставить перед собой столовые ножи. Едва не наткнувшись на них, Эторг замер. Отчаянный блеск в глазах девушки остудил его страсть.

– Вот как... Тогда заплати мне! – надменно произнес Эторг.

Она почувствовала его взгляд и запахла разорванную рубашку.

– Я принял тебя и кормил тебя! И твоего друга. Имеешь ли ты чем заплатить мне?

Далмира поняла, чего он хочет.

– У меня ничего нет, – сказала она. – Ты видел это, когда угощал меня! Почему ты сразу не сказал о плате?

– Я рассчитывал на твою благосклонность, Далмира. Я торговец, и мой закон прост: ты мне – я тебе. Что даст мне Далмира взамен еды и крова?

– У меня нет ничего, – повторила девушка. – Но мы с Шенном могли бы сделать что-нибудь для тебя.

Прирожденный торговец, Эторг понял ее и расхохотался:

– А что вы можете? Что может сделать дикарь? Морронский корм! Но такая девушка, как ты, может заплатить по-иному...

– Нет! – Далмира крепче сжала ножи и, заметив ее решимость, Эторг решил не искушать судьбу.

– Стража! – позвал он.

Двери распахнулись, и два вооруженных палицами воина шагнули в покои.

– Она подняла оружие против того, кто накормил и пригрел ее. Все, от Кхинора до Ринересса, знают, что Эторг справедлив. С друзьями я обращаюсь по-дружески, а с подобными тебе, девчонка... Возьмите ее и свяжите. И дикаря тоже. Я продам вас хартогам и возьму убытки.

Шенн устал ждать. За ним никто не приходил, и одиночество сменилось страхом. Где же Далмира? Он встал и подошел к двери. Юноша успел заметить, что хитрое устройство отворялось наружу, и слегка надавил на него ладонями. Ничего. Он нажал сильнее – дверь не поддавалась. Быть может, она заперта магией? Что же делать? В задумчивости Шенн взял мешок и уселся на него верхом. Так удобней, чем на твердом, подрагивающем полу.

Вдруг дверь распахнулась – и внутрь ввалилось с десятков аборигенов. Почти задремавший после сытного обеда Шенн мигом вскочил на ноги, ощущая идущую волну ненависти. Что случилось? Стоявший впереди человек замахнулся окованной металлом палкой, и Шенн едва уклонился от удара. Почему они сперва накормили, а теперь бьют? Как бы то ни было, а позволять себя бить Шенн не собирался. Он отступил и схватился за мешок с травой, успев парировать им следующий удар. Какое-то время он успешно отбивался, но кто-то большим ножом рассек его «щит». Шенн понял: еще немного – его сомнут и убьют. Но, как известно, загнанный в угол бьется с удвоенной силой. Зарычав, подобно зверю уру, дикарь вырвал палку у одного из нападавших, отразил ей несколько ударов и, размахивая оружием, проложил себе путь.

Шенн выскочил в коридор, слыша за спиной гневные крики людоедов. Правы были старейшины, трижды правы! Вот только откуда им знать, что людоеды сначала кормят жертву, и только потом едят?! Внезапно он понял, и его едва не вытошнило на бегу: сладкая каша была для них начинкой!

Шенн метался по деревянному лабиринту, вламываясь в двери и отбиваясь от преследователей. Выбравшись на лестницу, он помчался вниз, но навстречу поднимались враги. Окружен! Шенн метнулся в какой-то проход, оказавшись в небольшом помещении с наклонным полом, усыпанным пучками травы. В конце наклона Шенн увидел ворота – вот он, выход из проклятого лабиринта! Он схватил деревянный, обитый металлом засов и отбросил в сторону. Ворота распахнулись... Прямо на Шенна уставилась жуткая толстогубая морда невероятно огромного чудовища. Глаза размером с две человеческих головы, не мигая, смотрели на Шенна, и огромная пасть открылась, обнажая ряды мелких зубов. Жуткий рев монстра парализовал юношу. Шенн оцепенел, ожидая быстрой и страшной смерти. Сейчас оно проглотит меня... Он зажмурился. Но вместо прикосновения зубов почувствовал пинок пониже пояса. Шенн взмахнул руками и, потеряв равновесие, полетел вниз.

Руки скользнули по шершавой коже монстра и чудом уцепились за какой-то ремень. Шенн повис, болтаясь в воздухе. Прямо перед собой он видел ноги и грудь чудовища – невероятных размеров зверя, и этот зверь тащил на себе весь этот дом! Шенн повернул голову и рассмотрел, что рядом со зверем идет еще один, такой же огромный. Их двое! Удары мощных ног, подобных вековым деревьям, ритмично отдавались от утоптанной земли.

Но даже сквозь грохот Шенн услышал яростные крики. Он взглянул наверх: его преследователи сгрудились на краю площадки, с которой он упал, и один наводил на Шенна какое-то странное оружие. Шенн заметил отблеск металла на наконечнике стрелы и понял, что времени у него нет. Он лихорадочно посмотрел вниз и разжал руки.

Стрела свистнула над головой, вонзаясь в кожу зверя, но он этого, похоже, даже не почувствовал. Шенн упал и покатился по земле, смягчая удар. В последний миг он заметил огромную стопу, стремительно надвигавшуюся сверху, и кувырком ушел в сторону. Невероятных размеров живот твари навис над ним, и появилась секундная передышка. Задние ноги чудовища приближались, но теперь у юноши было время рассчитать их движение. Полупарализованный страхом, Шенн чудом сумел уклониться от ступней зверя и прижался к деревянной стене движущегося города. Куда теперь? Стоять он не мог, приходилось двигаться вместе с городом, и двигаться быстро. От свободы отделяла толстая деревянная стена, не прилегающая к земле плотно: внизу был довольно большой зазор. Шенн смог бы проскользнуть под стеной, но прямо за ней вращались огромные колеса! Ползущий на животе человек не имел ни единого шанса проскользнуть между ними. Если только город не остановится. Что же делать?

Юноша решил пройти по периметру и попытаться обнаружить хоть какую-нибудь лазейку. Гигантские ступни с грохотом врезались в землю – иногда он мог протянуть руку и коснуться чудовища. Чтобы не тратить силы и не бежать вперед, Шенн решил начать с «задней» части города. Но и тут не обошлось без трудностей. Чтобы не расплющило стеной, Шенну приходилось бежать и в то же время, свернув голову набок, высматривать заветный выход. Здесь здорово воняло, а стены были испачканы нечистотами. Внезапный просвет между досками привлек внимание юноши. Шенн поравнялся с ним и на бегу толкнул стену рукой. Она подалась наружу, качнувшись на шарнире. Толкнув ее еще раз, Шенн с радостным воплем выскочил из катящегося города.

Страшный город удалялся. Шенн смотрел ему вслед, стоя на дрожащих от пережитого ужаса ногах. Когда пыль от гигантских колес улеглась, юноша огляделся: вокруг по-прежнему простиралась равнина. Но уже не та! Зоркий глаз дикаря мигом подметил различия: холмы стали более высокими, их склоны покрывали кусты и деревья. Он вспомнил свой Лес и горестно вздохнул. Он отдал бы все, чтобы оказаться в лесу, любом лесу! Чтобы деревья окружали его, и прохладный полумрак остудил разгоряченное тело. Лес – это дом и защита, но группки деревьев, что он видел, нельзя назвать лесом.

И как же Далмира? Он вспомнил о ней и заплакал. Здесь, перед самим собой, он мог не стесняться слез, и Шенн упал на желтую землю, вгрызаясь в нее пальцами. Далмира погибла, и теперь он совсем один! Нет рядом друга, нет никого, кто поможет и поймет... Страшный город унес ее тело, и бессильный гнев Шенна проклинающим воем устремился вослед.

Глава шестая

Хартоги

Далмира сидела взаперти. Ее комната не имела окон, и время растянулось в одно жуткое, пугающее ожидание. Сколько времени прошло, как ее разлучили с Шенном? Два дня, а может быть, и все три? Город двигался почти безостановочно, лишь раз они долго стояли, и вокруг царила непривычная и потому пугающая тишина.

Эторга она больше не видела. После ссоры с ним воины схватили ее и привели сюда. Раз в день девушку кормили какими-то отбросами, и поначалу она не притрагивалась к еде. Но вскоре голод взял свое, девушка глотала прокисшую кашу и грызла засохший, твердый, как камень, хлеб. Она надеялась, что Шенн где-то рядом, ведь правитель обещал продать их обоим... Но как можно продать людей? Ведь люди – не вещи! Но, видно, мир, в который она попала, слишком жесток, если в нем возможно такое...

Город остановился, и худшие предчувствия Далмиры оправдались. За ней пришла стража. Девушке связали руки и больно ткнули рукоятью палицы в спину: шагай! Пройдя по деревянным коридорам и лестницам, пленница оказалась перед выходом. Яркий солнечный свет ласкал глаза, но Далмира не знала, стоит ли радоваться этому дню. Открывшийся глазам мир мог оказаться много страшнее заточения в огромной деревянной коробке.

Длинные мостки вели вниз, и Далмира спустилась на землю. Там стоял Эторг в окружении нескольких воинов. Шенна не было видно, и девушка тщетно вертела головой. Где же он, что с ним?

– Где мой друг? Где Шенн? – крикнула она, обращаясь к Эторгу, но тот молча отвернулся, всем своим видом выражая презрение. Далмира чувствовала, как слезы вот-вот потекут из глаз, но изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать. Стражи потащили ее вперед.

– Стой! – Ее остановили в двадцати шагах от странного лагеря, раскинувшегося перед городом на колесах. Дюжину драных шатров окружала стена из повозок, каждая из которых имела высокие, окованные железом борта. В стене из повозок имелся проход. Оттуда навстречу гостям вышли люди.

Один был без руки, но могучий статный торс и широкие плечи не позволяли назвать его калекой. В единственной руке человек сжимал длинную плеть. Второй был сухощав и строен. Длинные волосы его стягивала красная повязка. Он опирался на короткое копье с широким изогнутым наконечником и жадно рассматривал девушку белесыми немигающими глазами. Третий, едва достававший Далмире до плеч, имел заметный живот и примечательную шишковатую голову без единого волоска. Странно, но именно он показался девушке главным.

Она не ошиблась. Толстяк выступил вперед и протянул руку вверх:

– Одно солнце над нами, эмон.

– Воистину так, Тормун. Как дела твои?

– Неплохо, Эторг. Куда направляешься?

– В Шедор. Везу дерево и кожи с юга. А ты как оказался здесь?

– Иду на восток, в Ринересс.

– Пусть будет легок твой путь, Тормун. Не желаешь ли нового раба, женщину? – Эторг кивнул в сторону сжавшейся от страха Далмиры. Часть сказанного она поняла, разговор шел на языке, похожем на язык ее народа. – Клянусь, она способна на многое! Посмотри на ее волосы! Посмотри на руки! Она едва не заколола меня, когда я... Впрочем, неважно. Она сильна и непохожа на наших женщин!

– Где ты нашел ее? – спросил толстяк, подойдя ближе. Оценивающим взглядом он прошелся по фигуре Далмиры и протянул руку. Девушка отшатнулась, но стражи были начеку, вовремя схватив ее за локти. В черных глазах Тормуна мелькнуло удивление. Его рука ощущала руки и ноги девушки. – Она и впрямь недурна. Довольно высока. Сильное тело. И странные волосы...

– Я подобрал ее в пустыне.

– В пустыне? – удивился Тормун.

– Да, в двух днях пути отсюда. Ее и еще одного дикаря. Я хотел помочь им, но они заплатили мне злом на добро. Поэтому я думаю, что хорошим наказанием для нее будет служение тебе и твоему делу, Тормун. Ведь тебе нужны люди?

– Мне всегда нужны люди, – проговорил Тормун. – К сожалению, они быстро умирают, а добровольцев я не припомню. Сколько ты хочешь за нее? И где ее товарищ, о котором ты говорил? Ты же знаешь, я предпочитаю мужчин. В нашем деле требуется сила и ловкость, а женщины слабы...

– Тот дикарь сумел удрать. Я отдаю тебе только ее.

– Не знаю, пригодится ли она мне, – задумчиво сказал Тормун. Он провел по щеке мизинцем. – Даром я никого не кормлю. Эй, как тебя зовут?

– Ее зовут Далмира. Она с дальних островов, что в самом конце великой реки. Так она сказала, хотя я и не совсем ей верю, – пожал плечами Эторг.

– Она, что, не может сама ответить? – осведомился воин с копьем. Он сделал шаг вперед и, вытянув руку с оружием, дотронулся острием до ее груди. – Нравится мое копье, детка? Давай купим ее, брат, клянусь Сущими, она чего-то стоит. По крайней мере, в постели.

– Я это сам решу, Торвар. Почему девчонка молчит?

– Она плохо говорит, но, кажется, все понимает, – усмехнулся Эторг. – Ее язык напоминает ваш, мой она вовсе не знает. Она дикарка, а дикари ловки и смелы. Как раз то, что тебе нужно!

– Дикарка? – усомнился Тормун. – Мне приходилось видеть дикарей из северных лесов – она не похожа на них. Посмотри на ее одежду, Эторг: дикари не носят вышитых рубах!

– Мне все равно, – отмахнулся Эторг. – Так ты возьмешь ее? Или я прикажу привязать ее к колесу ортангира и размажу по земле.

– Отпустите ее, – велел толстяк.

Стражи вопросительно взглянули на Эторга. Тот кивнул. Далмира смотрела на толстого коротышку и окружавших его людей, пытаясь понять, что сейчас произойдет.

– Оллок, проверь ее.

Человек с плетью подошел к девушке, вытащил из-за пояса длинный нож и разрезал ее путы. Затем воткнул оружие в песок перед ногами Далмиры и отступил. Тормун схватил ее за руку:

– Возьми, – сказал он, указывая на нож. Его пухлые пальцы унизывали перстни со сверкающими камнями, но в глаза девушке бросился длинный ярко-красный ноготь на левом мизинце, оправленный в желтый металл. – Возьми нож и убей однорукого. Убьешь – и мы отпустим тебя. Это сказал Тормун, и вы все свидетели.

Далмира поняла. Они, конечно, обманывают, но есть ли у нее выбор? Она посмотрела на черную рукоять у ног и подумала, что ради свободы ей предлагают убить человека. Вот этого однорукого, так спокойно стоящего в пяти шагах. Сможет ли она, готова ли? Ведь Далмира уже убивала и до сих пор помнит, как легко нож, подобный этому, вошел в тело хелмара, и он умер. Но тогда ее вела ярость, она хотела мстить за отца и друзей... Далмира попыталась разозлить себя, но ярость ушла, затаившись где-то глубоко под сердцем. Она была опустошена и унижена человеком, стоявшим позади.

– По-моему, она безнадежна, – сказал Тормун. – Я не стану ее покупать.

– Тварь красноволосая, ты не стоишь отбросов, которые жрала! – разочарованный Эторг ударил ее по лицу.

Далмира упала на колени, и нож сам прыгнул в руки. Молниеносный выпад прозевали даже охранники, и сверкнувшее лезвие рассекло одежду на животе Эторга. Правитель ортангир отпрыгнул и схватился за рассеченное платье:

– Возьмите ее и привяжите к колесу, ногами вперед, чтобы сдохла медленно!

Телохранители двинулись к Далмире, поигрывая палицами, она отступала, выставив перед собой короткий клинок. Почему он не умер, ведь она вложила в удар всю силу!?

– Я покупаю девчонку! – громко сказал Тормун. В следующее мгновение плетью одно-рукого просвистела в воздухе, обвившись вокруг шеи девушки. Далмира ударила по ней ножом, но Оллок вовремя ослабил плетью, и удар не вышел. Воздуха стало не хватать, девушка выронила нож и схватилась за горло. Одним движением Оллок свалил ее на песок.

– Зачем ты надел кольчугу, Эторг? – насмешливо спросил Тормун. – Разве ты перестал доверять мне?

– Я не доверял ей, – выкрутился Эторг. – А ты не верил мне!

– Неплохо, совсем неплохо, – Тормун повернулся к однорукому товарищу. – Оллок, не задуши ее! Так сколько ты хочешь, достойный эмон?

Катящийся город скрылся за холмами, и Далмира невольно проводила его глазами. Она ничуть не жалела, что покинула ортангир, как называли город на колесах ее новые хозяева. Что сделано, то сделано. Далмира не печалилась о потерях – за короткое время она потеряла все, кроме жизни. Последней потерей стал Шенн...

Она стояла посреди лагеря, и собравшийся вокруг люд разглядывал ее, переговариваясь короткими, весомыми фразами. Она видела около двадцати человек, преимущественно мужчин. Некоторые вооружены, остальные безоружны, но в их позах и неторопливой уверенной поступи она ощущала скрытую силу. «Эти люди сильны и умеют убивать, – думала она, глядя в обветренные суровые лица, – кто же они такие?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.